

Николай Федорченко

Туркестанский крест

Николай Федорченко
Туркестанский крест

«Автор»

2023

Федорченко Н.

Туркестанский крест / Н. Федорченко — «Автор», 2023

Захолустный райцентр на южной окраине Каракумов имел всего две достопримечательности: развалины мазара святого Ходжи и военный гарнизон, в котором когда-то заканчивал службу красноармеец Фёдор Сухов. Именно ему молва приписывает авторство известной присказки: "Зачем Бог придумал ад, когда есть Кизыл-Арват?" Лейтенант Максим Кольченко попал под "белое солнце пустыни" по распределению в августе 1979-го года. Со времён товарища Сухова здесь мало что изменилось. Казалось, что жизнь приостановила своё движение, завязла в угрюмых барханах. Черета унылых дней тянулась расплавленной жёлтой смолой. Но внезапно всё изменилось, и калейдоскоп событий завертелся с бешеной скоростью. Судьба понесла лейтенанта, как вздыбившаяся лошадь. "Мусульманский батальон", штурм дворца Амина, назначение в эпицентр афганской войны.

© Федорченко Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Федорченко

Туркестанский крест

«Правда необычайнее вымысла, вымысел должен придерживаться правдоподобия, а правда в этом не нуждается».

Марк Твен.

Глава 1

Зной Каракумов окутал удушающей пеленой раскалённый солнцем город. Горячий воздух, зыбким маревом поднимавшийся от плавящегося асфальта, искажал чёткость очертаний домов и контуры деревьев. Обычный июльский день, привычные для Ашхабада плюс сорок восемь по Цельсию. Оцепеневший город посреди нестерпимого пекла вполне подходил на роль земного филиала Ада. Казалось, что жизнь в нём замерла, затаилась до лучших времён.

По проспекту Свободы неспешно катился военный уазик с белоснежным флажком на капоте. Сидящему за рулём солдату было скучно, он зевал, прикрывая ладонью раскрывающийся на ширину приклада рот. Рядом с ним, на переднем сидении, дремал лейтенант, время от времени роняя голову на грудь. Они возвращались из гарнизонного дома офицеров в штаб 36-го армейского корпуса, к которому были прикомандированы на время предстоящих фронтовых учений. Только вот сроки проведения этого мероприятия по неизвестным причинам всё сдвигались и сдвигались. От утомительно долгого ожидания впору было впасть в апатию и погрузиться в уныние.

А ведь совсем недавно лейтенант находился в эпицентре событий, сменявших друг друга с непостижимой скоростью: «мусульманский батальон», штурм дворца Амина, Джелалабад, первая кунарская операция, бои под Харой, Нангаламом и Бар-Кандаем... Два месяца назад, его, отбившегося в ходе ночного боя от своих и загнанного духами на вершину горы, подхватывает пролетающий вертолёт. А уже через час, он, потеряв сознание, валится на бетон кабульского аэродрома. Коварная жёлтая лихорадка. Санитарный борт, ташкентский госпиталь... Короткий отпуск по болезни и командировка на восстановительный период в гарнизон, расположенный в песках Каракумов. Казалось, судьба благоволит избалованному удачей и любовью офицеру, авантюристу в лучшем смысле этого слова. И тут – такой облом! Сонное царство, мухи от скуки на лету дохнут.

Машина остановилась у светофора возле кинотеатра «Мир», пропуская пешеходов. От работающего двигателя, как из жерла вулкана, дохнуло нестерпимым жаром, который лавой вполз в салон через проёмы снятых окон и лизнул горячим языком пересохшие губы лейтенанта и облезший кончик носа солдата. Внезапно левая, расположенная за водителем, дверца уазика распахнулась, и на заднее сидение впорхнула хрупкая, взъерошенная девушка.

– Поехали! Быстрее! Пожалуйста! – порывисто выдохнула она, испуганно озираясь, и с силой захлопнула за собой дверь.

Тронувшись на загоревшийся зелёный, водитель в зеркале заднего вида разглядел разъярённых мужчин, преследовавших беглянку. Офицер оживился. Слава Богу, хоть какое-то приключение!

– Костя, а всё-таки Ашхабад – хороший город! Девчонки на ходу в машину запрыгивают! – неуклюже пошутил лейтенант и повернувшись назад, окинул взглядом подаренную волей случая попутчицу.

– Пожалуйста, быстрее! За мной гонятся бандиты! – голос не на шутку испуганной девушки дрожал, глаза сверкали, тонкие крылья носа гневно раздувались. —Прошу Вас, быстрее!

– Бандиты – те два мужика, что бежали за тобой? – с долей сарказма в голосе спросил у неё водитель.

– Их трое. Одного из них я цапнула за палец, и мне удалось вырваться... Быстрее! Прошу Вас, – с мольбой в голосе проговорила беглянка, оглядываясь по сторонам, – Это точно бандиты!

– Милая барышня, успокойтесь, вы находитесь под надёжной защитой советской армии, и с этого момента опасность Вам не угрожает, – стремясь придать голосу солидность, произнёс лейтенант.

Он с интересом рассматривал свалившуюся на его голову девчонку. Тёмные волосы незнакомки крупными локонами спадали на плечи, из-под роскошно изогнутых бровей на него смотрели практически чёрные, миндалевидной формы, широко распахнутые глаза. Прямой носик, припухшие губки, высокие скулы. Задравшаяся юбка предательски обнажала красивые стройные ноги.

«Она чертовски привлекательна и, кажется, где-то я её уже видел...» – промелькнуло в голове офицера.

– Не понял... Как это – цапнула? Откусила палец, что ли? – водитель, толи в шутку, толи всерьёз, решил уточнить детали произошедшего.

– Не откусила... Но прикусила до крови, – смущенно ответила девушка, тревожно оглядываясь назад.

– Позвольте узнать, куда держите путь, и как Вас прикажите величать? – поинтересовался лейтенант, продолжая разглядывать девчонку.

– Смотрите, смотрите! Вот они! – скороговоркой выпалила она.

Красная «шестёрка», с сидевшими в ней мужчинами, действительно преследовала уазик, пытаясь обогнать. Лица пассажиров «Жигулей» были злыми и возбуждёнными. Они что-то кричали в открытые окна и жестами требовали остановиться.

– Почему они за тобой гонятся? Ты у них, случайно, ничего не украла? – спросил лейтенант первое, что пришло ему в голову.

Он лихорадочно пытался осмыслить происходящее, и всё никак не находил каких-то веских причин для такой голливудской погони среди бела дня, да ещё в центре столичного города.

– Меня зовут Злата, – сверкнула глазами девушка, одёргивая юбку и поправляя рукой волосы, – я – не воровка, и мужиков этих вижу впервые.

– Какое редкое и красивое имя... Костя, тормозни, я выйду и разберусь с товарищами, – принял спонтанное решение офицер.

– Нет! Не останавливайся! Это бандиты. Товарищ лейтенант, они вооружены. У них есть пистолет... – выдала очередную порцию информации девушка по имени Злата.

– Может это менты, одетые в «гражданку»? – предположил водитель, косясь в боковое зеркальце.

Офицер окинул взглядом попутчицу, а затем более внимательно присмотрелся к экипажу несущейся рядом «шестёрки». Внутреннее чутьё подсказывало, что Злата говорит правду, а вот мужики в преследующей их машине не внушали ни малейшего доверия.

– Отрываемся! – скомандовал он водителю. – Меня зовут Максим. Ты, Злата, не бойся. Всё будет хорошо, мы будем жить долго и счастливо, и умрём в один и тот же день.

Уазик резко свернул на улицу, идущую вдоль ограды городского парка. «Жигули» не отставали и, повиснув у него на хвосте, повторяли все его манёвры.

– Уходим в микрорайон! Давай напрямую, через бордюры, через детские площадки, шестёрке там не пройти, – сказал лейтенант и опять сосредоточил всё своё внимание на девушке.

Он вдруг отчётливо осознал, что ему до боли знакомы и её лицо, и её голос. В свои двадцать три года офицер уже знал, что человеческий голос индивидуален и неповторим, как отпечатки пальцев, и если зрительная память иногда могла подвести его, то своему идеальному слуху Максим доверял на все сто процентов. Совпадал и тембр, и эти неповторимые бархатные нотки в голосе. Правда, такое редкое имя... Злата... Запомнилось бы точно! Но нет, девушка с таким именем на его жизненном пути однозначно возникла впервые...

– А мы нигде не встречались? – его вопрос прозвучал довольно вульгарно и уж точно не ко времени.

– Я Вас вижу впервые, – бросив цепкий взгляд на лицо офицера, ответила Злата и продолжила искать глазами пропавшие из виду «Жигули».

Вот теперь память уже гарантированно подтвердила лейтенанту, что этот голос он в своей жизни хотя бы раз, да слышал. Когда? Где? При каких обстоятельствах? На эти вопросы память ответа не давала. Узик, перемахнув очередную детскую площадку, лихо спрыгнул с бордюра и выскочил на дорогу.

– Вроде оторвались... Теперь куда? – водитель вопросительно глянул на офицера.

– Вон они! Справа! – вскрикнула Злата, указывая рукой на показавшуюся из-за угла дома машину.

– Костя, чего мы мучаемся? Гони в штаб корпуса! – скомандовал Максим.

Вырулив на проспект Свободы, узик устремился в сторону воинской части. Красная «шестёрка» шла следом.

Солдат, дежуривший на контрольно-пропускном пункте, издалека заметил стремительно приближающийся узик с развевающимся белым флажком на капоте, заблаговременно открыл массивные въездные ворота и, отдав честь, пропустил машину без остановки. У сидевших в «Жигулях» хватило ума и здравого смысла даже не пытаться въехать на территорию штаба армейского корпуса.

– Костя, вези нас к бунгалю.

Объехав массивное здание штаба, узик остановился возле белой одноэтажной постройки, одиноко стоящей в тени чинар и акаций. Максим вышел из машины, галантно распахнул заднюю дверцу автомобиля и помог девушке выйти.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель, – сказал он Злате, открывая ключом запертую дверь домика, который все, почему-то, называли экзотическим словом – бунгалю.

Неказистое здание из саманного кирпича с металлическими решётками на окнах когда-то служило холодной каптёркой комендантской роты, но год назад очередной ротный командир решил разместить в этом домике свою летнюю канцелярию. Он бы воплотил эту задумку в жизнь, только вот начальник штаба корпуса, оценив ремонт, распорядился перепрофилировать строение в пристанище для прикомандированных к штабу офицеров. Внутри помещения были поставлены три солдатские кровати, пара шкафов, стол, стулья и три дубовые табуретки. Из удобств имелся лишь рукомойник деревенского типа, ну а полноценный туалет находился в ста метрах, в здании штаба. С бытом в Туркестанском военном округе ещё со времён красноармейца Федора Сухова было как-то не очень...

Максим налил в стакан приторно тёплой жидкости из графина и протянул его девушке. Та, выпив воду, в растерянности присела на стоящую у стола табуретку. Лейтенант включил напольный вентилятор, направил его в сторону Златы и, расстегнув портупею, уселся на кровать. Потоки прогретого воздуха играли с завитушками её чёрных волос, то поднимая их красивым шёлковым шлейфом, то бережно опуская обратно на плечи. Пока офицер раздумывал, с чего начать разговор, раздался стук в приоткрытую дверь.

– Разрешите? – на пороге домика возник сержант, дежурный по КПП.

– Входи, коль пришёл.

– Товарищ лейтенант, Вас просят на КПП какие-то мужики. Говорят, что им надо срочно с Вами встретиться. Они ждут в кафе-стекляшке у Бешима, – скороговоркой проговорил сержант, косясь глазом на красивую девушку.

– Передай, что я подойду, пусть ждут – ответил офицер.

Сержант вышел, но через пару секунд вновь появился в дверном проёме.

– Они, похоже, из блатных, вы бы с ними поосторожнее, – добавил он, переминаясь с ноги на ногу, не сводя восхищённого взгляда с лейтенантской гостью.

– Может по такому случаю караул «В ружьё» поднять? – с издёвкой в голосе спросил его Максим. – У тебя в подчинении три бугая со штык-ножами, уж как-нибудь подстрахуете меня, если что. Свободен!

Дежурный щёлкнул каблуками и вышел из помещения, аккуратно прикрыв тяжёлую дверь. Максим пристально взглянул на девушку. Она беспомощно озиралась вокруг, обхватив голову кистями рук, сложенными в замок на затылке, явно не понимая, как вести себя в сложившейся ситуации.

– Злата, ты ничего не хочешь мне рассказать перед тем, как я уйду? – вкрадчиво обратился к ней лейтенант, присаживаясь к столу.

Девушка подняла голову; в её глазах не трудно было заметить смятение, страх и непонимание всего происходящего с ней. Такую растерянность во взгляде Максиму доводилось видеть у молодых солдат в момент внезапно вспыхнувшего боя, первого боя в их жизни. Злата склонила голову, обдумывая ответ, подыскивая наиболее точные слова.

Собравшись с духом, она сбивчиво поведала ему, что эти трое пытались её похитить. Они, по всей видимости, должны были отвезти её в дом какого-то большого начальника, который накануне предложил ей стать его любовницей. Позавчера вечером у входа в подъезд её встретил молодой, интеллигентного вида, туркмен, говоривший по-русски без малейшего акцента. Уточнив её имя и фамилию, он попытался всучить ей красивую коробочку, сказав, что это презент от одного очень уважаемого человека. Она наотрез отказалась от подарка незнакомого мужчины. Тогда молодой человек открыл коробочку и высыпал её содержимое себе на ладонь. На его ладони оказалась золотая цепочка с большим кулоном, украшенным крупным зелёным камнем, похожим на изумруд, золотой перстенёк, с камнем того же цвета и серьги из золота с длинными подвесками, усыпанные мелкими зелёными камешками. И ещё – элегантное колечко, похожее на обручальное, в виде обвивающейся вокруг пальца змеи. Посыльный добавил, что это подарок не просто от какого-то незнакомого мужчины, а от человека, которого знает и уважает весь Ашхабад. Если она согласится стать его любовницей, то весь город будет у её ног.

– Я покрутила пальцем у виска, развернулась и зашла в подъезд, – продолжила Злата, рассеянно разглядывая свои накрашенные ногти, – вдогонку мне он сказал, что два раза предлагать не станут, что я ещё пожалею о своём решении.

Весь следующий день девушка просидела дома, ей было страшно, но к вечеру всё же решила дойти до ближайшего гастронома. У дома она увидела сидевшего на скамейке тучного туркмена, лет сорока. Он поднялся ей навстречу и с лёгким восточным акцентом произнёс:

– Злата, я всё-таки пришёл повторить вчерашнее предложение, которое вы так неразумно отвергли. Пожалуйста, соглашайтесь, иначе быть беде.

– Я испугалась и, развернувшись, убежала домой, – продолжила девушка, – полночи думала, что же надо делать в подобной ситуации, и решила на следующий день пойти в милицию. Уснуть смогла лишь под утро и проспала почти до обеда. Глянула в окно, у подъезда – пусто, и я, осмелев, вышла из дома. В дежурке милиционеры подняли меня на смех. Подумав, предложили любовницей стать, не изнасиловали же! Идите, девушка, идите.... Вот изнасилюют, тогда, милости просим! Не смешите людей и ничего не бойтесь – не в Чикаго живём!

На какое-то время Злата замолкла, нервно теребя пальцами бахромку скатерти.

– Я вся такая злая вышла из милиции и направилась в сторону дома. Неожиданно, около кинотеатра «Мир», двое хватают меня под руки и запикивают в «Жигули». Добром, говорят, не пошла, так силой отвезём. Пока один из них обходил машину, другой удерживал меня внутри, затыкая рот своей потной ладонью. Я исхитрилась и укусила его за палец. Он закричал, разжал руки. Я выскочила на дорогу. Вижу военный уазик и, не раздумывая, – туда. Остальное Вы знаете.

Лейтенант, не перебивая, выслушал её сумбурный рассказ. По Туркмении ходили слухи о подобных случаях. Современные баи считали, что согласно старинным национальным традициям, они имеют право завести гарем, заменив банальных любовниц на настоящих наложниц. Красота девушки служила лучшим подтверждением правдивости её рассказа.

И ещё... За время монолога Златы, Максим понял, почему случайная попутчица показала ему знакомой. Офицер вспомнил, где и когда он пересёкся с ней. Правда, некоторые сомнения всё ещё оставались.

– Почему же ты к родителям или к друзьям за помощью не обратилась? – поинтересовался лейтенант.

– У меня нет родителей, а друзьями обзавестись не успела. Я приехала в Ашхабад девять дней тому назад.

Максим вышел из-за стола, застегнул ремни портупеи, подошёл к распахнутому окну и закурил. Сделав пару затяжек, он обратился к девушке:

– Схожу на КПП, встречу с этими непонятными товарищами. Ты здесь в безопасности, расслабься и жди меня. Если сюда вдруг кто-нибудь заглянет, скажешь, что ты моя жена. Я – лейтенант Максим Кольченко. Запомнишь?

– Запомню, – Злата кивнула головой, – только вот...

В этот момент дверь скрипнула, и в помещение зашёл старший прапорщик Язвицкий, пожилой мужчина среднего роста, с солидным брюшком и с большой, сияющей лысиной. В руке он держал фуражку с чёрным околышем, его форменная рубашка была мокрой от пота. Ему было за пятьдесят, но его не увольняли, потому что он был единственным фронтовиком, воевавшим в составе этого корпуса. Григорий Семёнович слыл прекрасным человеком и добросовестным служакой, его любили солдаты, уважали сослуживцы и ценили командиры. После яркого солнца он не сразу разглядел в полумраке помещения Максима и девушку.

– Григорий Семёнович, знакомьтесь! Это – Злата. Займите её пока какой-нибудь беседой, а я ненадолго отлучусь по своим делам.

Девушка подошла к лейтенанту и что-то смущённо шепнула ему в ухо.

– Не проблема, – улыбнулся Максим, – суббота, время – послеобеденное, штабные уже разбрелись по домам – сегодня в Москве открытие Олимпиады. Григорий Семёнович, будьте добры, сопроводите даму в туалет. Сержанту, дежурному по штабу, передайте, что если будет умничать, то я, когда вернусь, настучу ему по бестолковой голове!

Уже в дверях лейтенант внезапно обернулся и прищуренным взглядом пристально посмотрел на Злату.

– Скажи-ка мне, красавица, перед тем как я уйду, вот такую фразу – теперь ты знаешь всё, иди и не оборачивайся, – вполне серьёзно попросил её Кольченко.

– Да пожалуйста, – девушка недоуменно пожала плечами, – теперь ты знаешь всё, иди и не оборачивайся.

Лейтенант вышел из душного сумрака помещения под палящие лучи раскалённого добела солнца. Дверь бунгало жалобно скрипнула и медленно закрылась.

– Костя! Поехали к «стекляшке»!

Машина, нервно вздрогнув, завелась и, не спеша, покатила вокруг плаца, мимо старых чинар и акаций, по дороге, ведущей к выезду из военного городка.

«Злата, Злата... Вспомнил я, где и как мы с тобой повстречались. Правда, выглядит это всё как-то уж совсем невероятно. С тех пор прошло более пяти лет, а девушка выглядит моложе, чем тогда» – подумал про себя лейтенант и, откинувшись на спинку сидения, сомкнул веки.

Перед глазами отчётливо предстал чудесный апрельский день пятилетней давности: ослепительная вспышка молнии, ударившая в крышу эстрады танцплощадки, терпко-кислый

аромат весеннего воздуха, насыщенный невероятным количеством озона. Смеющиеся глаза девушки, чёрные, бездонные, с золотыми искорками, тонущими в их бездонной глубине.

Провинциальный городок. Вторая половина дня. Восемнадцатилетний Максим Кольченко возвращался домой из военкомата, где только что успешно прошёл призывную комиссию. Он был признан годным без ограничений и предварительно зачислен в команду новобранцев-морпехов, предназначенную для отправки на Тихоокеанский флота. Прошлым летом Максим завалил вступительные экзамены в институт стран Азии и Африки при МГУ, и вооружённые силы Советского Союза распахнули перед ним свои двери. На службу Кольченко не рвался; он и так всю свою недолгую жизнь провёл в армии, среди солдат, среди оружия и боевой техники. Отец – кадровый офицер, полковник. Мать – филолог. Он был типичным гарнизонным ребёнком. За его спиной – две группы войск и пять военных округов, от Германии до южного Казахстана, семь сменённых школ и полгода работы на стройке монтажником. Срочная служба его не пугала. Долг родине Максим собирался отдавать либо в морской пехоте, либо в ВДВ. А учёба никуда от него не денется. Кольченко был уверен, что, отслужив, поступит в свой институт вне конкурса.

Тот день был по-летнему тёплым. В сквере у кинотеатра уже распустились первые бутоны алых и белых роз, в городском саду полыхала сирень, а под стволами черёмух белоснежными коврами стелились россыпи опавших лепестков. Воробьи, раздуваясь от важности, чирикали во всё горло, а в прозрачно-голубом небе, кувыряясь, кружили голуби. На казачьем рынке, через который пролегал путь Максима, в это время дня было немногочленно.

Гроза налетела стремительно, как песчаная буря в казахской степи. Свинцовые тучи огромными шарами накатывались на разомлевший город со скоростью курьерского поезда. Резко потемнело. Яростный порыв ветра поднял в небо облако пыли и закружил в мелких смерчах обрывки бумаги, прошлогоднюю листву, опавший цвет черёмух, фантики от конфет...

Зигзаг молнии, сверкнувший одновременно с оглушительным раскатом грома, расколол мрак неба. Электрический разряд с треском ударил в крышу эстрады танцплощадки, метрах в пятидесяти от спешащего домой Максима, и безо всякой морозящей прелюдии, хлынул ливень. Нет, не ливень... Настоящий водопад! Прохожие бросились под навесы торговых рядов, спасаясь от не на шутку разгулявшейся стихии. Стоя среди людей, укрывшихся от падающей с небес воды, Кольченко во все глаза смотрел на проделки разбушевавшейся природы. Мысленно чертыхнувшись, он подумал, что если бы целую минуту не любовался розами, словно сентиментальная гимназистка, то мог бы лицезреть всё это из окон уютной квартиры, да видно, не судьба.

Падение с небес воды длилось недолго и прекратилось так же внезапно, как и началось. Чёрные, похудевшие тучи, стремительно удалялись на восток, поблёскивая вспышками молний. Канонада отступающей грозы становилась всё тише и тише, пока, наконец, не смолкла совсем. Над притихшим городом вспыхнула гигантская радуга немыслимо яркой расцветки. В густом воздухе смешались, как краски на палитре художника, и горько-терпкий аромат весенней земли, очнувшейся после зимней спячки, и запах только что распустившихся роз, и благоухание пробудившейся сирени. К птичьему гомону, вновь повисшему над рынком, прибавились звонкие голоса цыганят, пускавших кораблики из скорлупок грецких орехов по потокам воды. В умытом небе сияло солнце, заставляя переливаться перламутром светящиеся изнутри полосы радуги, вонзившейся краями в противоположные берега Хопра.

Максим, перескакивая через лужи, двинулся к дому. Под навесом, ближайшим к выходу с рынка, гомонила толпа цыган. Судя по жестам, они обсуждали удар молнии, разворотивший оцинкованную крышу эстрады танцплощадки, откуда всё ещё змеился дымок. В насыщенном озоном воздухе явственно ощущался запах обожженной древесины. Цыгане цокали языками, цыганки крестились. До дома Максима было уже рукой подать...

Внезапно, под аркой рыночных ворот, дорогу ему преградила молодая, красивая цыганка. Обойти её было невозможно. Она стояла на незатопленном водой перешейке, со всех сторон окружённом глубокими лужами. Девушка приветливо улыбалась и манила к себе тонким пальчиком. Именно такой, читая Гюго, Максим представлял себе Эсмеральду. На вид ей было лет двадцать. Густые, тёмные волосы, украшенные диадемой с бирюзовым камешком, крупными кольцами спадали на грудь, а плечи укутывала лёгкая воздушная шаль невероятного золотистого цвета. На Эсмеральде было длинное, светло-карамельное платье с разбросанными по подолу и рукавам небесно-голубыми васильками. Висевший на бёдрах узкий, чёрный пояс эффектно оттенял её тонкую талию. Левой рукой она грациозно приподнимала подол платья, чтобы тот не намок в лужах, и чтобы были видны её восхитительные стройные ножки, обутые в короткие элегантные сапожки из мягкой, чёрной кожи. Под одеждой угадывалась идеальная девичья фигура. Черты её лица были невероятно правильными и красивыми.

Максим заворожено глядел на цыганку, тщетно пытаясь найти хотя бы какой-нибудь мелкий изъян в её внешности. Прямой, точёный носик, высокие скулы, обтянутые нежной кожей цвета золотистого персика. Чувственный рот, с припухшими, как у обиженного ребёнка, губками, горящие угли больших миндалевидных глаз, смотрящие из-под изогнутых чёрных бровей. Таких глаз за свои восемнадцать лет он ещё не встречал, хотя девчонками начал интересоваться не по годам рано. Вокруг чернеющей бездны зрачков маленькими солнышками расположились золотые ободки с зазубренными, острыми лучиками. Тёмно-серые глаза за этими золотыми прожилками по мере удаления от зрачков становились всё темнее и темнее, так что края радужных оболочек были уже такими же чёрными, как и сами зрачки. В их непроницаемой глубине, за частоколом длинных ресниц, вспыхивали и тонули яркие золотистые звёздочки. Ошеломлённый неземной красотой, Максим застыл, как вкопанный.

– Подойди, не бойся.... Не цыганка я, сербиянка... Всё про тебя знаю. Дай ладонь. Расскажу твою жизнь, ничего не утаю!

Чарующий тембр голоса Эсмеральды поразительно гармонировал с её красотой. В этом завораживающем потоке звуков проскальзывали бархатные нотки, необъяснимым образом сочетавшиеся с властными интонациями. Взяв Максима за руку, она отвела его от рыночных ворот на непокрытый водой островок возле решётчатой ограды городского сада. Мальчишка, впервые столкнувшийся с уличной цыганкой, несмотря на своё природное нахальство, заметно робел, а может просто был наповал сражён её красотой. Происходящее ужасно интриговало его, но на всякий случай он бойко соврал, что денег у него нет. Эсмеральда в ответ ласково улыбнулась и, внезапно став очень серьёзной, заглянула ему в глаза.

– Судьбе не платят. Судьба денег не берёт.

Произнеся это, сербиянка взяла его левую руку чуть ниже локтя и развернула её к себе. Скользнув взглядом по линиям ладони, она облегчённо выдохнула, словно опасалась увидеть там что-то не то, а он зачарованно смотрел на её длинные, как у пианистки, пальцы, на тонкие и нежные запястья. Кожа Эсмеральды имела чудесный золотистый оттенок лёгкого южного загара. Ни колец, ни перстней, ни монист, ни серёжек на ней не было. В какой-то момент окружающий мир для Максима исчез, просто перестал существовать. Пропало абсолютно всё, остались лишь он, она и ощущение какой-то тайны, укрывшей их с головой. Остались её глаза, её голос и неповторимый пряный запах её волос, запах свежести и чистоты. Неподражаемый аромат юности. И оглушительная тишина, ни единого лишнего звука...

– Ты станешь военным, – заворковала сербиянка, и её голос вывел мальчишку из оцепенения.

– Точно! Через четыре дня в войска, – Максим с улыбкой подтвердил её правоту, а про себя подумал – «Надо же! Сумела предсказать остриженному призывнику службу в армии! Проницательна! Насквозь видит, как рентген!»

Но это оказалось лишь прологом, и всё остальное время Кольченко был уже абсолютно серьёзен.

– Ты станешь офицером, – глядя ему в глаза, беспрекословным тоном строгой учительницы продолжила Эсмеральда. – Ты пройдёшь через три войны. Сквозь кровь, боль и ужас. У тебя впереди – страшные бои. Ты ощутишь на лице дыхание смерти, тебе не раз придётся заглянуть в её раскосые глаза. Но и удача не обойдёт тебя, ты с ней познакомишься весьма близко. Судьба будет к тебе благосклонна, и позволит иногда целовать жизнь прямо в губы. Смерти не бойся, не такая уж она и злая... Жизнь порой не лучше бывает. Да её, смерти, в общем-то, и нет. Всё внутри тебя, целый мир, он безграничен. Надо лишь научиться слышать и понимать его. Не всем дано, а ты попробуй.

Тебе не суждено погибнуть на войне, вражеские пули облетят тебя стороной, но и победа не принесёт тебе счастья... Твои подвиги люди не оценят по достоинству, либо вообще не узнают о них, но Судьба наградит тебя! Она преподнесёт тебе царские подарки. Правда, потом ты уже и не разберёшь, награда это была или кара... В жизни всё так сложно...

Судьба не обделит тебя любовью красивых женщин, но лишь три красавицы полюбят тебя по-настоящему, полюбят больше собственной жизни. Ты отличишь их от других с первого взгляда, но помни: большая любовь и счастье – не одно и то же.

У первой красавицы будут такие же синие глаза, как у тебя. На ней ты женишься. У второй глаза будут, как у меня, тебе предстоит спасти её. У третьей глаза будут карие, и она спасёт тебе жизнь... – Эсмеральда смолкла, о чём-то задумавшись.

– Скажи, когда я встречу свою синеглазую невесту? – слова сами сорвались с языка Максима.

– Ты её уже встретил. Вы с ней даже на свет появились почти одновременно в одном и том же роддоме, она и выйдет за тебя замуж. В свой срок это обязательно произойдёт, никак мимо не проскочит! Это же твоя судьба. – Устало ответила ему «не цыганка-сербиянка», видимо напряжение, с которым она смотрела сквозь года, давало о себе знать. – Уходит время, оно, как жёлтый песок на берегу бешеной горной реки, как вода... меж пальцев...

– Детей у нас с ней, сколько будет? – не зная, о чём ещё спросить, поинтересовался Максим.

– Судьба дарует вам девочку и мальчика. Спрашивай самое важное, время тает, как воск свечи, остановить его надолго невозможно. Вряд ли ты ещё хоть раз встретишь меня в этой жизни. Последний вопрос... – лицо Эсмеральды стало бледным, в глазах вспыхнул лихорадочный блеск.

Видимо, не дано знать человеку наперёд, что в его жизни самое важное. Максим задумался, но времени на раздумье не было.

– Скажи, когда, где и с кем мне предстоит воевать? – неуклюже сформулировал он свой вопрос.

Эсмеральда сомкнула ресницы, бледность накрыла золотистый оттенок загара на её лице. Максиму вдруг показалось, что она в тот момент мысленно пронеслась по местам его будущих сражений.

– Уже скоро. Враги немилосердны. Вижу две войны... Скалы, жара... Липкая, горячая кровь на раскалённых камнях... Зной и духота, как в аду. Запах горелого металла и разорванных тел... Похоже на ад. Но это не ад... Нет никакого ада, он внутри... Третью войну не вижу, только чувствую. За гранью... Во всех смыслах. Очень далеко. Мгла... Ещё запомни, всё, что делаешь в этой жизни, старайся делать красиво. Даже если совершаешь безумство, то и оно должно быть безумно красиво... А смерти нет. Помни это, —прорицательница устало улыбнулась уголками губ и по-дружески подмигнула заметно растерявшемуся парню. – Навсегда запомни – в жизни всё должно быть красиво!

Пальцы девушки, удерживающие руку Максима, резко похолодели. Эсмеральда широко распахнула свои бездонные глаза, в которых уже почти не осталось золотых искорок.

– Только на одну шестую часть века вижу, дальше – тьма. Не вижу дальше... Не могу. Уходит время. Жёлтый песок у ревущей реки... Качающиеся скалы... – она говорила совсем тихо, словно за что-то извиняясь. – На редкость тяжёлый выдался день... Теперь главное. На твоём жизненном пути будет великое множество развилок и перекрёстков. И каждый раз ты должен безошибочно выбрать единственно верное направление. Это очень важно. Слушай сердце. Обмануть может лучший друг, любимая женщина, и даже собственный мозг. Сердце не подведёт и укажет правильную дорогу. Туда и иди, каким бы тяжким и опасным не казался выбранный маршрут. Всё. Время...

Сербиянка сжала его ладонь леденеющими пальцами и пристально посмотрела ему в глаза, как будто хотела убедиться, всё ли он правильно понял. Зрачки её при этом вели себя как-то неестественно: они, то сужались в крохотную точку, то расширялись почти на всю радужную оболочку. В них, как в далёком космосе, вспыхивали и умирали загадочные звёзды.

Эсмеральда выпустила руку Максима из своих ледяных ладоней.

– Теперь ты знаешь всё... Иди и не оборачивайся. И постарайся быть счастливым, хоть иногда. Не обижайся на судьбу... Прощай! – с неподдельной грустью в голосе ласково прошептала она.

Кольченко молча развернулся и на автопилоте двинулся в направлении дома. Через минуту, когда он зашёл во двор, действие гипноза, видимо, закончилось. Кромешная тишина обрушилась лавиной оглушительных звуков весеннего дня. Вместе со звуками вернулись и запах опьяневшей от дождя сирени, и яркие краски белоснежных облаков на бирюзовой лазури. Брызги радуги расплзались в хрустальной голубизне, стекая небрежными мазками по небесному холсту.

Максим ринулся обратно к рынку. Оцепенение прошло. Он ощутил жгучую потребность вернуться к Эсмеральде. В его голове роились сотни вопросов, которые требовали незамедлительных ответов. Предлог для возобновления диалога был придуман на бегу: он нашёл завалявшийся в кармане рубль и решил отдать его гадалке. Не найдя её на прежнем месте, Максим уверенным шагом направился к толпе цыган, продолжавших галдеть под навесом торгового ряда, невзирая на то, что дождь уже закончился. Эсмеральды среди них не было. Когда Кольченко приблизился к ним, они смолкли и разом повернули головы в его сторону.

– Здравствуйте, – обратился Максим ко всем сразу, глядя при этом на пожилую цыганку лет пятидесяти, которая почему-то показалась ему главной, – минуты три назад, здесь, под аркой входных ворот, мне гадала молодая цыганка. Я деньги, вот, принёс. Хочу расплатиться.

Он достал из кармана блестящий юбилейный рубль с профилем Ильича. Цыгане недоумённо переглянулись.

– Как зовут её? – спросил колоритный цыган лет сорока.

– Не знаю. Она не представилась.

– Во что хоть была одета? Платок у неё какой был? Высокая? – посыпался на мальчишку град вопросов.

Максим быстро, но довольно подробно, обрисовал встреченную им цыганку, скромно опустив описание её мерцающих глаз. Цыгане молча переглянулись; каждый будто бы пытался найти ту самую девушку среди стоящих рядом соплеменников.

– У нас, парень, отродясь таких не было, – подвела итог разговора старшая по возрасту цыганка, – спутал ты что-то. Если хочешь, Даша может тебе рассказать всё, что было, и всё, что будет.

Из толпы вышла коренастая цыганка, лет тридцати, в цветастом платке, в чёрной бархатной душегрейке и широко улыбнулась своим наполовину золотым ртом. На её руках красовались перстни и кольца, то ли из золота, то ли из надраенной до блеска латуни.

– Спасибо... – пробормотал Максим, – я уже и так всё знаю.

Кольченко отошёл от цыган в полной растерянности, с зажатым рублём в кулаке. Он стоял посреди базарной площади, а его глаза продолжали шарить по толпе идущих людей в поисках Эсмеральды. Не могла же она далеко уйти за три минуты?! Со стороны, наверное, он выглядел довольно глупо. Цыгане продолжили свою беспечную болтовню. Внезапно все они замолчали, а старшая цыганка, вразвалочку, направилась в сторону Максима. Приобняв его правой рукой за плечо, она попросила показать то место, где ему гадала молодая цыганка, и он уверенно повёл её в сторону ворот.

– Вот тут, под аркой, она меня остановила, а гадала – здесь, у ограды, – Максим указал рукой на место, где недавно стоял со своей Эсмеральдой.

Женщина что-то крикнула на своём гортанном наречии, и мгновенно стайка цыганят, пускавших по ручью кораблики, собралась у подола её широкой юбки. Задав детям пару вопросов и получив быстрые и дружные ответы, она потрепала их по кучерявым головёнкам и властным жестом опустила обратно к своим играм. Цыганка глянула на Максима с явным сочувствием и неуловимым материнским движением приложила ладонь к его лбу.

– Ты уж, парень, не обессудь... Это на всякий случай, разгорячённый ты какой-то... Дети тебя видели. Ты остановился под аркой, потом отошёл к ограде парка, постоял там немного и ушёл в сторону школы. Никакой цыганки с тобой не было, не видели они её. Ты расскажи-ка мне всё поподробнее, может, чем и смогу тебе помочь. Я давно на свете живу, много чего знаю. ... А деньги-то, ребятишкам отдай, на конфеты. Для тебя так лучше будет... – она всматривалась в лицо Максима, явно пытаясь понять, чем он так взволнован и что творится у него на душе.

Самый младший цыганёнок словно в ожидании чего-то, всё ещё вертелся у бабкиной юбки, и юбилейный рубль, лихо закрутившись в воздухе от щелчка пальцев Максима, был пойман в полёте его чумазой ручонкой. Шумная ватага, как по команде, сорвалась с места и устремилась в сторону магазина.

– Хорошего нагадала али плохого? – вкрадчивым голосом начала свой расспрос цыганка.

– Да вроде бы ничего плохого, жить буду, – пожал плечами Кольченко.

– В карты глядя, али по руке?

– Мельком глянула на ладонь, а так всё больше в глаза смотрела. А ещё сказала, что она не цыганка, а сербиянка, и видит мою судьбу только на одну шестую часть века. Сказала, что судьбе не платят, что судьба денег не берёт.

Цыганка украдкой перекрестилась.

– Ты где живёшь? – спросила она после небольшой паузы.

Максим указал рукой на дом, стоящий через дорогу.

– Пойдём-ка, сынок, прогуляюсь с тобой маленько, а по дороге постараюсь объяснить тебе, что я обо всём этом думаю, – в голосе старой цыганки зазвучали участливые нотки, так, обычно, разговаривают с больными людьми или с неразумными, в силу малого возраста, детьми.

– Не знаю вот только, поверишь ли ты мне, поди ведь, комсомолец? – усмехнулась она.

Утвердительно кивнув, Максим весь превратился в слух.

– На сколько лет, говоришь, она судьбу-то твою предсказала? – обходя очередную лужу, спросила цыганка.

– На одну шестую часть века. Так она сказала.

Снова возникла пауза. Женщина, видимо, делила в уме сто на шесть. Кольченко тоже занялся устным счётом. Подойдя к дому, они остановились.

– Вот, парень, что я обо всём этом думаю. Цыганки, ведь, людям их судьбы не предсказывают. Они лишь пересказывают то, что карты говорят. Или линии на ладони. Не цыганка это была, точно не цыганка, – она вновь перекрестилась, – белая ведьма к тебе пожаловала.

Да не пугайся, не сама ведьма. Скорее всего, морок её. И уж раз она тебе ничего плохого не сделала, жить будешь долго.

В Молдавии живёт одна такая, совсем уже старая. Очень сильная колдунья, на год вперёд всё видит. Мы, цыгане, её боимся. Страшно, ведь, в будущее-то заглядывать. Не зная своей судьбы проще жить. Про одну шестую... Я даже представить не могу, какую магическую силу надо иметь, чтобы в такую бездну заглядывать. Это же больше шестнадцати лет! Шестнадцать лет и ещё месяцев восемь. Сейчас апрель семьдесят пятого, значит, знаешь ты свою судьбу в аккурат до самого конца девяносто первого года. Сто на шесть-то поделил уже? – Неожиданно спросила цыганка, прищурив глаза.

– Да, шестнадцать целых и шесть десятых, получается, – уверенно ответил Максим.

– А вот и нет. Не шестнадцать и шесть... Шестнадцать и бесконечные шестёрки. Это же сколько раз по 666? Бесчисленное множество раз? Говорят, что три шестёрки – число Сатаны, но, с другой стороны, эти же цифры служат заслоном от любого зла. Не знаю, есть ли на свете сила, способная эти шестёрки перебить... Шестнадцать с лишним лет – это очень много, целая жизнь, поверь... – она о чём-то задумалась, глядя куда-то вдаль, а потом, как бы размышляя, продолжила, – говоришь, ничего плохого не предсказала... Значит, сынок, всё хорошо у тебя по жизни будет, и самое главное, изменить теперь твою судьбу на этот срок уже вряд ли что сможет. А уж зачем и почему она пришла к тебе, думаю, ты со временем поймёшь. А с той девушкой, в образе которой к тебе приходил ведьмин морок, ты, может быть, ещё повстречаешься, так иногда бывает. Не пугайся её, желала бы тебе колдунья зла, не разговаривали бы мы сейчас тут с тобой. Красивая, говоришь? Видно, нужен ты ей зачем-то... Красота – это, ведь, как сигнал. «Судьба денег не берёт». Нет, не цыганка. Ты успокойся, о дурном не думай. Чему быть суждено, того не миновать! Живи, как живётся. Ступай с Богом!

Старая цыганка перекрестила его, по-доброму улыбнулась и, не оглядываясь, пошла в сторону рынка.

Глава 2

Лейтенант открыл глаза. Уазик выехал из ворот воинской части и остановился вблизи стеклянной кафешки.

– Костя, оставайся в машине и без нужды из-за руля не выходи. Монтировку спрячь, до мордобоя, думаю, не дойдёт, глянь-ка на этих гвардейцев со штык-ножами, – сказал Максим, указывая глазами на демонстративно выстроившихся неподалёку от «стекляшки» солдат из состава наряда по КПП, и уже выходя из уазика, подмигнул водителю, —ну а если что, действуй по обстановке.

От КПП до кафешки было не более двадцати метров. У её двери, переминаясь с ноги на ногу, стоял Бешим, приветливый молодой туркмен. В этом заведении он был и уборщицей, и барменом, и директором одновременно. Это был его бизнес, не взирая на то, что общепитовская точка принадлежала государству. Бешим регулярно отстёгивал оговоренную сумму нужному человеку, но зато ощущал себя хоть и временным, но хозяином этого маленького кафе. Такой вот социализм с азиатским лицом. Красная «шестёрка» с номером 16 66 АША была припаркована вплотную к тротуару, рядом с ней стоял джигит лет тридцати.

«Интересно с вами спать» – пролетела в голове Максима любимая присказка его командира батареи. – «Надо же, какие знакомые цифры».

– Салам, Бешим! – поприветствовал Кольченко главного и единственного сотрудника «стекляшки».

– Здравствуйте, товарищ лейтенант, —отводя глаза в сторону, отозвался тот.

Офицер шагнул внутрь кафешки. Бешим зашёл следом и запер входную дверь. За одним из столиков, небрежно развалившись, сидели двое мужчин лет тридцати. Один из них, скорее всего, был армянин, а у второго было типично славянское лицо. Внешний вид и татуировки на руках не оставляли сомнений в их принадлежности к воровскому миру. В тесном пространстве кафе витал запах лазарета, напрочь перебивая аромат свежего хлеба и недавно приготовленного люля-кебаба. На пустом столе валялась вскрытая упаковка бинта, а на полу подсыхали капельки крови и лужица пролитого йода. У славянина, не очень умело, была забинтована ладонь и указательный палец на правой руке.

– Присаживайся, офицер, побазарим – вместо приветствия произнёс армянин с колоритным кавказским акцентом, указывая рукой на свободный стул.

– И вам – здравствуйте, – неспешно присев, отозвался Кольченко, на всякий случай отодвигаясь вместе со стулом подальше от стола, – слушаю вас внимательно.

– Лейтенант, отдай девку. Она нам денег должна, – низким, прокурренным голосом вступил в разговор укушенный, – тебе от неё геморрой один.

– Много ли должна? Может, я за неё расплачусь? – Максим проявил живой интерес к финансовой теме, проигнорировав информацию о вероятности приобретения малоприятногo заболевания.

– У тебя столько денег за всю жизнь не будет, – вмешался в разговор кавказец, и сплюнув на пол, добавил, – проститутка она, понял? Перед олимпиадой их всех из Москвы в Каракумы сослали. Слыхал, наверно?

– Слыхал. Обворовала вас, что ли? – поинтересовался лейтенант и, глянув на перевязанную бинтом руку, добавил, – Москвички – они такие, им палец в рот не клади.

Кольченко куражился над незадачливыми похитителями. Конечно же, ни за какие деньги он не отдаст им девчонку и никакие угрозы на него не подействуют. Максим подсознательно чувствовал, что Злата, наверняка, и есть, та самая красавица, с глазами, как у «сербиянки», и он уже начал её спасать. И обязательно спасёт. А она, непременно, полюбит его, полюбит больше жизни. Никуда не денется! Ведь до этого все пророчества Эсмеральды сбывались.

– Обворовала, сука! – прохрипел славянин. – Да ещё и укусила, падла!

– В порыве страсти? Я и говорю, палец в рот не клади... А сами-то с ней за услуги расплатились? Может, она с вас своё взяла, честно заработанное? — лейтенант говорил с серьёзным выражением лица, стремясь ускорить развязку.

– Ты, наверно, не усёк, она нам очень много денег должна. Давай разбежимся по-хорошему, пока добром просим, – с угрозой в голосе произнёс армянин, – ты же видишь, люди мы серьёзные.

– Братан! Отдай бесовку. Мы с ней всё по понятиям порешаем. К чему тебе проблемы из-за какой-то шалавы? У неё своя жизнь, а у тебя – своя! – славянин пытался уладить вопрос мирным путём, он, в отличие от кавказца, не замечал нотки сарказма в голосе офицера.

– То, что вы люди серьёзные – видно сразу. Только вот не понятно, как таких серьёзных людей могла обворовать молоденькая проститутка... Пусть Бешим позвонит в милицию, она же, наверняка, у них на спецучёте. Подъедут менты, разберутся и все ваши деньги вернут, – Максим надеялся, что после этой фразы затянувшийся базар точно прекратится, и он не ошибся.

– По-хорошему, значит, не желаешь? Что ж, мало тебе не покажется, но запомни – свою судьбу ты выбрал сам, – произнёс укушенный, – лично привезёшь её нам, да в придачу, за борзость свою ответишь сполна.

– Зря ты так, зря... Большие проблемы у тебя сейчас походу нарисовались, – добавил армянин, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Металлические ножки стульев заскрежетали по каменному полу, и все трое одновременно поднялись из-за стола. Теперь лейтенант смог разглядеть их в полный рост. В рукопашном бою он, наверняка, справится с обоими. Ствол, судя по всему, у славянина, но, слава Богу и острым зубам Златы, воспользоваться им с забинтованной правой ладонью он вряд ли сможет.

– От мертвого осла уши я вам привезу, а не девчонку! – перешёл в словесную атаку офицер.

Всё шло к мордобою, но драки не случилось. За запертой стеклянной дверью кафе появился старший прапорщик Язвицкий, за ним толпился наряд по КПП, а Козловский уязиком аккуратно прижал к бордюру красные «Жигули».

– Бешим! Открывай дверь – кина не будет, – скомандовал бармену Максим, – если есть желание помахаться, можем пройти на полянку за кафешку. Ствол только в машине оставьте, от греха подальше. Бешим! Я сказал – дверь!!!

– Сейчас, командир, сейчас... – засуетился Бешим, открывая дверь.

Прапорщик, шумно дыша, вломился в «стекляшку».

– Чуть не опоздал, – выпалил он.

Гвардейцев со штык-ножами Кольченко остановил в дверях жестом ладони и, махнув рукой в сторону КПП, отправил к месту несения службы.

– К чему этот кипеш? Девка, и в правду, денег стоит. Она Ашоту должна, а значит, заплатит сполна. И за тобой теперь должок будет – процедил сквозь зубы армянин, сузив глаза.

– Какому ещё Ашоту? Может, она всему Ашхабаду успела задолжать? – снова взвился Максим.

– Ашоту Ашхабадскому, слышал про такого? – с нескрываемой угрозой в голосе спросил кавказец у офицера.

– Не слышал. Если ему есть что предъявить – пусть приезжает сам. А то какой-то пустой базар получается, – на блатной манер ответил ему лейтенант, продвигаясь к выходу из кафе.

– Он-то приедет обязательно, – с недоброй улыбкой произнёс укушенный, – а тебя-то, вот, как найти?

– Вы же нашли? Так же и он найдёт. Дежурный по КПП всегда знает, где я. Меня зовут Максим. Как пулемёт. Запомните? Всё, расходимся! – громко сказал офицер, выходя на свежий воздух из душного помещения.

– Григорий Семёнович, – Кольченко по-дружески приобнял Язвицкого, – вы, как всегда, вовремя. Как там Злата?

– Всё в порядке. Она мне всё рассказала, переживает за тебя. Я её отвёл в наше логово и бегом к тебе.

«Как бы опять бесследно не исчезла. Ей не впервой», – подумал лейтенант, а вслух произнёс – Григорий Семёнович, предлагаю отметить удачное завершение этого приключения парой бутылок доброго холодного бургундского!

– Само собой... Сейчас возьму у Бешима чего-нибудь... – засуетился прапорщик, хлопая руками по карманам в поисках денег.

– Григорий Семёнович... Не надо «чего-нибудь»! Здесь у него лишь «плодово-выгодные» напитки. «Чемен» да «Чашма». Как говорят в Туркмении, кто не пьёт вино «Чемен», тот совсем не джентльмен! Ну какие из нас, к чёрту, джентльмены? Бургундского не обещаю, сам не пробовал, а вот хорошего грузинского из личных запасов Бешима мы сегодня обязательно выпьем. Бешим, всё так?! – Максим бросил взгляд на бармена и положил на прилавок две трёшки.

– Конечно, командир! Сделаю всё в лучшем виде! Надо только до «Айны» дойти, всё там, в холодильнике, – расплылся в улыбке туркмен.

– Сгоняйте с Костей, а я пройду до бунгало пешочком, – кивнул в сторону узика Кольченко.

Поблагодарив наряд по КПП, лейтенант пошёл по тенистой аллейке в направлении своего пристанища. Хотя он уже свыкся с тем, что пророчества «сербиянки» неумолимо сбываются, но в данный момент никак не мог решить очередную головоломку, подкинутую жизнью. Сознание Максима, безусловно доверяя основным органам чувств, было уверено, что Эсмеральда и Злата – одно и то же лицо, а подсознание, со своим единственным органом – интуицией, было с ним не согласно. Мнения разделились поровну, и головоломка не решалась. Утомлённый от бесплодного напряжения мозг незаметно погрузился в воспоминания. Услужливая память, с захватывающей дух скоростью, прокручивала в голове лейтенанта документальные кадры последних пяти лет его жизни.

В армию его той весной так и не забрали. На сборном пункте всех призывников распределили по командам, а Кольченко пригласили в кабинет военкома. Полковник сказал, что видел в личном деле его школьный аттестат, в котором пятёрки составляли большинство, и предложил Максиму поступать этим летом в одно из военных училищ, а тот решил чуть-чуть схитрить, сказав, что ему необходимо какое-то время на обдумывание этого неожиданного предложения. Срок обдумывания затянулся до завершения весеннего призыва, и первого июля Кольченко прибыл в Москву, для повторной сдачи вступительных экзаменов в свой замечательный институт стран Азии и Африки. И вновь его постигла неудача. На этот раз поступлению помешала цепь довольно-таки странных событий. Это – длинная история, заслуживающая отдельного рассказа. Приехавший на выручку отец ничем помочь не смог. По дороге домой они заехали к старинному отцовскому другу в подмосковную Коломну. В старом городе, неподалёку от храма, где когда-то венчался Дмитрий Донской, их угораздило встретиться с курсантами-десантниками из местного военного училища. Гренадёрского роста, весело смеющиеся, сильные и красивые, с мушкетёрскими усами, в сверкающих на солнце хромовых сапогах... Они синхронно прогремели победитовыми подковками по булыжной мостовой, отдавая честь полковнику Кольченко, и продолжили путь в своё военное будущее. Это были выпускники на, так называемой, «золотой неделе», когда приказ о присвоении офицерских званий министром обороны уже подписан, но в училище из Москвы ещё не доставлен. Под голубыми кур-

сантскими погонами, наспех прихваченными нитками к гимнастёрке, накрепко были пришиты лейтенантские. Именно в тот момент в голове Максима что-то перещёлкнуло, и вечером того же дня он попросил отца помочь ему с поступлением в это училище.

Отец помог, и абитуриент Кольченко приступил к сдаче экзаменов, а спустя неделю уже пришивал голубые курсантские погоны на свою гимнастёрку. Так, неожиданно для себя самого, он стал курсантом. На четвертом курсе Максим женился на синеокой красавице Светлане, родившейся в том же родильном доме, где и он сам когда-то появился на свет. Кольченко к ней давно был неравнодушен. Овладеть неприступной крепостью с наскока ему не удалось, и он перешёл к её осаде. Чуть позже, в результате успешного штурма, крепость была им взята. Взята замуж. Светлана, видимо, и на самом деле полюбила его больше жизни, раз практически сбежала из-под венца, который гарантировал ей спокойную и благоустроенную жизнь в столице, без лишних раздумий променяв брусчатку Красной площади на жаркие барханы угрюмых Каракумов. Их служба в войсках Туркестанского военного округа началась в тех самых песках, по которым когда-то красноармеец Фёдор Сухов водил гарем юзбаши Абдуллы, под безжалостным белым солнцем пустыни. Зачем Бог придумал ад, когда есть Кизыл-Арват? Эта присказка про тот самый гарнизон, куда Кольченко и привёз свою синеглазку.

Их любовь была похожа на красивую полноводную реку, зародившуюся от пары чистых, прозрачных ручейков, становящуюся на своём долгом пути к океану всё шире, всё глубже. Наверное, бывают и более сильные чувства, схожие, например, с нескончаемым Нилом или с безбрежной Амазонкой. Максиму же казалось, что их со Светланой любовь больше напоминает стремительный Дунай. Он, в отличие от Амазонки и Нила, бежит не через однообразно-унылые малярийные джунгли, не по африканским саваннам и пескам, а струится по приветливой «старушке» Европе, среди ярких лоскутных полей, среди цветущих садов и высоких гор. На его пути – разные страны, вдоль крутых берегов – развалины замков, окутанные романтическим флёром старинных легенд, а на прибрежных равнинах – города с тысячелетней историей. И пусть эта река порой причудливо извилиста, а скорость её течения переменчива, от этого она ни на мгновение не перестаёт быть одной из величайших рек мира.

В конце 1979-го года, когда Максим со Светланой уже начали потихоньку обживаться в кизыл-арватском «аду», судьба неожиданно-негаданно предоставила им невероятный по местным меркам шанс выбраться из этого гиблого места. По крайней мере, им тогда так казалось. Выяснилось, что в управлении кадров округа не забыли о десантной подготовке Кольченко, и он был откомандирован для дальнейшего прохождения службы в Чирчик, в 154-й отдельный отряд специального назначения ГРУ ГШ, который все называли мусульманским батальоном. Укомплектован он был выходцами из среднеазиатских республик, говорящих на языках Востока и знающих традиции и обычаи ислама. В ту пору в южном подбрюшье СССР бурлил Иран, поэтому создание отряда в мае 1979-го не вызывало особых вопросов. Кадровики не смогли найти всего трех специалистов азиатского происхождения: зенитчика – на взвод «Шилок», и двух артиллеристов: миномётчика – на взвод «Васильков» и противотанкиста – на взвод ПТУР. В конце концов, на эти должности были назначены офицеры славянской внешности, до черноты загоревшие под солнцем Туркестана. В последний день ноября, отправив Светлану к родителям, Максим прибыл в Чирчик. И всё закрутилось с немыслимой скоростью.

К четырнадцатому декабря отряд перелетел в афганский Баграм, а к семнадцатому числу своим ходом перебрался в Кабул. «Мусбат» встал лагерем неподалёку от Тадж-Бека, резиденции президента Афганистана Хафизуллы Амина, пригласившего в свою страну Советскую армию. Двадцать пятого декабря в Кабул прилетела витебская дивизия ВДВ и остатки 345-го парашютно-десантного полка. Колонны кушкинской и термезских мотострелковых дивизий пересекли границу Советского Союза в тот же день. Всё пока ещё было тихо и спокойно.

Советско-афганская война началась двадцать седьмого декабря в девятнадцать тридцать по кабульскому времени, или в шесть часов вечера по Москве. Именно в это время прогремел

взрыв мощной мины, заложенный диверсантами КГБ в люк распределительного узла подземных коммуникаций, оставивший Кабул без телефонной связи. Так началась секретная операция «Шторм 333». На штурм президентского дворца в первом эшелоне шли группы спецназа КГБ «Гром» и «Зенит», во втором эшелоне выдвигались подразделения «мусбата» и девятая рота триста сорок пятого полка. Тот первый бой длился не долго. Дворец был взят, президент убит, но, к сожалению, это не смогло остановить гражданскую войну, шедшую в этой стране уже почти два года, а лишь увеличило её масштаб и ожесточённость. Счёт боевых потерь был открыт. За неполную неделю до наступления олимпийского, тысяча девятьсот восьмидесятого года, погибло восемьдесят шесть человек. Потери афганцев считать было как-то не принято... Сбылось очередное предсказание Эсмеральды: лейтенант Кольченко попал на войну, а уже в начале лета, из ташкентского госпиталя, был откомандирован обратно в Кизыл-Арват. Так замкнулся круг его первой войны...

Злата выпорхнула из домика навстречу лейтенанту. На её лице читались и тревога, и смущение, а Максим всё пытался понять – это живая девушка или зачем-то появившийся на неопределённое время морок Эсмеральды?

– Они уехали? – тихо спросила она.

– Уехали, но, к сожалению, обещали вернуться. Основные события впереди. Кстати, они сказали, что ты украла у них деньги. Это правда? – в свою очередь задал вопрос лейтенант, заглядывая в её глаза, чёрные как угольки.

Это были те самые бездонные глаза, в которых он, чуть было, не утонул пять лет назад. И даже запах её волос был таким же, как в тот далёкий день.

– Ты им поверил? – угольки вспыхнули снопами жёлто-золотистых искорок, словно затухающий костёр от внезапного порыва ветра. – Это они забрали мою сумочку с деньгами и документами.

Максим расстегнул портупею, бросил её на кровать, аккуратно повесил снятую гимнастёрку на спинку стула, подошёл к открытому окну и неторопливо закурил. Порывы знойного ветра трепали гривы старых акаций.

– Зря ты про сумочку раньше не сказала! Денег-то там много было?

– Много. Восемьдесят рублей с копейками. Как-то не вспомнилось в суматохе. Теперь я без денег, без документов, а ещё там ключи от съёмной квартиры лежали, —растерянно проговорила Злата и печально вздохнула.

– Вернём сумочку, не расстраивайся. Ключи, пока, всё равно не нужны, нельзя тебе домой, они знают твой адрес. С голоду не умрёшь – я буду делить с тобой свою скромную трапезу, – затушив догорающую сигарету, лейтенант отошёл от окна, – а ещё они сказали, что ты – проститутка, высланная из Москвы. Я не поверил.

– И на том, спасибо, – фыркнула девушка, глядя в открытое окно, —это тоже ложь.

– Да знаю я, что ложь. Извини за бестактный вопрос: сколько тебе лет?

– Скоро двадцать.

– А сестра у тебя есть?

– Нет, – Злата удивлённо глянула на Максима.

– Когда ты в последний раз была в Урюпинске? – внезапно спросил лейтенант, внимательно глядя в глаза девушки и наблюдая за её реакцией на неожиданный вопрос.

– Что за глупый вопрос?! Ни в каком Урюпинске я не была! Если ты мне не веришь, то спасибо за помощь, проводи меня до выхода в город, и я уйду! – взорвалась Злата.

– Извини. Но я должен был задать тебе этот вопрос, —примирительно-извиняющимся тоном проговорил офицер, – верю я тебе, верю.

Послышался шум мотора, и у дверей домика остановился уазик. Григорий Семёнович ввалился в помещение, держа в каждой руке по запотевшей бутылке «Саперави», следом за ним зашёл водитель с большим бумажным пакетом яблок.

– Костя, яблоки помой, парочку возьми себе и езжай в автопарк. Передай нашим – построение в 18-20, напротив бокса. Заправить баки и быть в готовности к выезду. За мной подъедешь сюда в 18-10, – скомандовал Кольченко.

– Куда едем? – вскользь поинтересовался Козловский.

– Скажу перед выездом. Иди уже! – доставая из шкафа гранёные стаканы и тарелку под фрукты, раздражённо ответил лейтенант.

Язвический ополоснул стаканы и теперь лихорадочно искал штопор. Злата отрешённо смотрела на стену. Максим, нарезаая яблоки на дольки, решил немного разрядить гнетущую напряжённость.

– Злата, а ты знаешь, куда сейчас твои похитители поехали? – лейтенант задал этот вопрос так, будто его, действительно интересовал её ответ.

– Не знаю. А куда? – настороженно, вопросом на вопрос ответила девушка, не замечая подвоха.

– В больницу, – с совершенно серьёзным выражением лица сказал Кольченко, сосредоточенно разглядывая этикетку на бутылке с вином.

– Господи... В больницу-то зачем? – изумилась Злата.

– Укушенному вору прививку от бешенства делать! – шутка получилась, не ахти какая, но все улыбнулись и чуть-чуть расслабились.

Вино показалось им изумительным. Терпким и, самое главное, холодным, что особенно ценно жарким ашхабадским летом. Оно кроваво-красным рубином играло в сверкающих гранях стаканов, обманчиво обещая утоление жажды. Сдвинутые за удачу бокалы были выпиты до дна и незамедлительно наполнены снова. Больше не чокались, пили не спеша. Мужчины с наслаждением дымили сигаретами, откинувшись на спинки стульев, а лопасти вентилятора старательно выдували наружу клубы сизого табачного дыма через распахнутое окно.

– Ребятки, а ведь вы попали в серьёзный переплёт, – неожиданно произнёс Григорий Семёнович, облокотившись на стол, – в очень серьёзный.

– Да ладно, два мелких бандита конца двадцатого века... Делов-то! – хмыкнул Максим.

– Слушайте меня внимательно, — начал свой монолог старший прапорщик, – Бешим мне по дороге рассказал, что эти, как ты изволил выразиться, два мелких бандита – Ухват и Волчок – особо приближённые вора в законе Ашота Ашхабадского, смотрящего по Ашхабаду и всей Туркмении. Из обрывков их разговора он понял, что Злату, то ли в карты проиграли, то ли заказали наложницей в гарем какого-то местного бая. Вору даже слегка подискутировали на эту тему, но в любом случае за неё в общак обещаны немалые деньги, и поэтому вполне вероятно, что в дело впряжётся сам Ашот.

Сидевшая напротив прапорщика девушка сжалась, как воробушек. Она переводила испуганный взгляд с лица прапорщика на лицо лейтенанта, словно ища у них защиту от всех этих внезапно свалившихся на неё напастей.

– Вору не входи на территорию штаба корпуса! Средневековье какое-то... Наложницей в гарем! Мрак! – Максима явно прорвало. – Не бойся, Злата, здесь ты в безопасности. Правда, долго держать тебя тут у нас вряд ли получится, но мы тебя не отдадим никакому баю!

Девушка благодарно взглянула на офицера и неожиданно улыбнулась ему точно такой же улыбкой, какой когда-то на прощание одарила его Эсмеральда. От столь мистического совпадения, несмотря на пятидесятиградусную жару, по спине лейтенанта легкой волной пробежал холодок озноба.

– Вору от денег не откажутся. Уверен, что в самое ближайшее время они поставят своих людей у всех выходов с территории части, – как ни в чём не бывало, продолжил монолог Язвический.

кий, – есть у меня парочка мыслей, как распутать этот узел, но первое, что необходимо сделать, – надёжно спрятать Злату.

– Некогда распутывать, рубить надо! – продолжал горячиться Максим.

– Искандер Двурогий был, безусловно, великим полководцем.... Но здесь, уж не знаю, к счастью или к сожалению, не Афган, поэтому, придётся распутывать, – деликатно возразил ему прапорщик, – я попросил солдатиков с КПП отслеживать все легковушки, остановившиеся вблизи от выезда из военного городка. Времени у нас в обрез. Принимай решение, командир!

– Решение, говорите... – лейтенант задумался, – слушайте моё решение. Злату спрячем на погранзаставе «Фирюза». Сегодня в доме офицеров я случайно встретил своего давнего друга Дениса Шевченко, мы с ним в прошлом году вместе лежали в госпитале с гепатитом. Выяснилось, что он сейчас служит на этой заставе. Начальник на учёбе, и Денис пока за главного. Я обещал приехать в Фирюзу сегодня вечером, вот все вместе и поедем. Там у нас будет предостаточно времени, чтобы всё обсудить. Сейчас – 18-00, выезд из парка в 18-40, за полчаса доберёмся до заставы. На территории погранзоны Злата будет недостижима для блатного мира.

В распахнутое окно заглянул боец из наряда по КПП. Он доложил Язвицкому о двух подозрительных машинах. Два «Москвича-412», белый и зелёный, прибыли в район КПП одновременно, пять минут назад. Один из них встал неподалёку от ресторана «Айна» в направлении посёлка Бикрова, другой – возле кинотеатра «Космос», на проспекте Свободы в сторону центра.

– В каждом автомобиле – по два человека, вот номера машин, – солдат протянул прапорщику сложенный пополам листок, – разрешите идти?

– Спасибо, боец, свободен, – поблагодарил дневального офицер.

– Максим, что же делать? – растерянно произнесла Злата, нарушив возникшую после ухода дневального небольшую паузу.

– Нет ни малейшей причины для паники, – успокаивая взволнованную девушку, уверенным тоном ответил ей лейтенант и, усмехнувшись в усы, добавил, – красноармеец Сухов в этих местах увёл из-под носа басмачей целый гарем, так неужели мы тебя одну не спасём от участи наложницы?

Воры, надо отдать им должное, сработали чётко и оперативно, но явно недооценили транспортные возможности, которыми располагал офицер. В данный момент под командованием лейтенанта Кольченко находилось 24 уазика и 8 «Волг». Эта техника была взята из входящих в состав корпуса частей и соединений и сосредоточена при штабе на период проведения фронтовых учений, которые всё никак не могли начаться. Машины предназначались для генералов из генштаба и министерства обороны СССР.

В штабе армейского корпуса служило много старших офицеров, но мало кому из них был положен служебный автомобиль, и дабы они не зарились на прикомандированный автотранспорт, начальник штаба на общем построении в форме приказа заявил, что эти машины могут выходить из парка лишь по его личному распоряжению или по приказу лейтенанта Кольченко. Он, конечно же, просто не чётко сформулировал свою мысль, имея в виду, что команду на выход может дать только он сам лично или же через командира этого сводного подразделения. Но сказал он то, что сказал, а поправить свирепого генерала никто не решился. Максим не злоупотреблял его оговоркой, лишь изредка беря для коротких поездок по городу уазик командира кизыл-арватского мотострелкового полка, который чем-то приглянулся ему с самого начала, и вот настало время воспользоваться генеральской оговоркой сполна.

По замыслу лейтенанта в 18-40 из автопарка выедут все 24 уазика с закрытыми шторами на окнах. В одном из них на заднем сидении расположится Язвицкий, на другом, так же сзади – Максим и Злата. Ворота КПП распахнутся, и автомобили с интервалом в десять секунд начнут покидать военный городок на приличной скорости. Первая машина уйдёт налево по проспекту Свободы в сторону центра, вторая – прямо, на посёлок Бикрова, третья – налево,

четвёртая прямо и так далее. Затем узики начнут хаотично сворачивать в переулки и, поплыв минут десять по городу, вернутся на базу. И только автомобили с пассажирами уйдут на Фирюзу. Козловский на своём узике, номера которого бандитам были уже знакомы, должен выехать последним и, демонстративно развернувшись на кольце, тут же вернуться обратно на территорию воинской части. Таким образом, экипажам воровских машин надо будет каким-то образом отследить перемещение двадцати трёх автомобилей, что совершенно нереально.

Сборы не заняли много времени. Григорий Семёнович, натужно кряхтя, полез под кровать и, достав оттуда свой тревожный чемодан, с которым прибыл сюда из Кизыл-Арвата, открыл его маленьким ключом. Покопавшись в ворохе белья, вытащил скомканный свёрток и передал его Максиму. В свёртке оказалась боевая граната Ф-1, называемая в войсках лимонкой.

– Возьми, как говорится, на всякий пожарный. Друзья из пехотного полка подарили, думал пригодится рыбу в Каракум-канале глушить, – тихо сказал он, обращаясь к офицеру.

– Спасибо, отпугну врагов и обязательно верну! – беря гранату в руки, в очередной раз не к месту пошутил офицер.

Язвицкий для приличия слегка улыбнулся. Злата же продолжала пребывать в состоянии полу-транса. Девушка смотрела на лимонку широко распахнутыми глазами, полными ужаса. Она только начала осознавать в какую нереально-кошмарную переделку умудрилась попасть. Граната разместилась в дипломате Максима между чистыми тельняшками, плавками, носками, подшивочным материалом и несессером с туалетными принадлежностями.

В 18-40 первый узик на приличной скорости покинул военный городок и за ним, как пчёлы из улья, из ворот КПП начали вылетать совершенно одинаковые машины, разъезжаясь в разные стороны. Лейтенант не смог отказать себе в удовольствии и, пренебрегнув конспирацией, слегка сдвинул оконную шторку, дабы насладиться видом растерянных лиц джигитов из воровского «Москвича», припаркованного возле «Айны». Козловский, выезжавший последним, позже рассказывал, что машины бандитов в тот вечер так и не сдвинулись с места.

В то же самое время по улицам вечернего города неспешно катилась новенькая белая «Волга». На её заднем сидении, небрежно развалившись, сидел уверенный в себе, холёный человек в белоснежной рубашке с короткими рукавами. Он был коренаст и широкоплеч, излишняя полнота лишь добавляла его облику солидности. В его чёрных волосах кое-где серебряными паутинками пробивалась седина, открытый, в меру широкий лоб, украшали изогнутые дугой брови. Взгляд его раскосых, глубоко посаженных тёмных глаз, расслабленно скользил по людям, идущим по тротуарам, по встречным автомобилям, по зелени клумб и деревьев. В свои сорок с небольшим сидящий на заднем сидении человек успел достичь многого в этой жизни. Триумфальное восхождение по партийно-комсомольской лестнице республики он начал сразу же после окончания философского факультета МГУ. Несомненно, он был умён.

Сидящий на заднем сидении, был уверен, что добился всего не столько благодаря протекции сильных мира сего, сколько счастливому расположению звёзд над своей головой, и, занимаемый им ныне пост, принадлежит ему по праву рождения и является всего лишь промежуточным на траектории восхождения к вершине власти. Он досконально знал и свою родословную, и историю своего племени, происходившего из древнего огузского рода Кият-Борджинов, основателем которого считался Есугей-богатур, отец самого Чингисхана. Прямым предком сидящего на заднем сидении был Кият-хан – вождь племенной группы иранских йомудов. Само имя его, Курбан Сердар, было частью имени ещё одного великого предка, которого он чтит, пожалуй, больше других – легендарного курбаши Джунаид-хана. Басмач он, и в самом деле, был легендарный, его имя до 1938 года наводило страх на врагов и вызывало благоговейное восхищение соплеменников.

Сидящий на заднем сидении человек был уверен, что оставшуюся пару ступеней до высшего в республике поста он неизбежно пройдёт, всему свой срок. Просто пока первый секре-

тарь компартии Туркмении из племени эрсаров, путь наверх ему закрыт. Но ничто не вечно в этом мире, и сейчас у него в запасе есть достаточно времени для того, чтобы успеть расставить на ключевые посты верных людей из своего йомудского племени и рода Джунаидов. Преданные ему кадры должны быть во всех органах и структурах власти республики и тогда, когда откроется путь наверх, они поддержат его и помогут сделать эти два последних шага. Он обязательно станет самым главным по священному праву сильнейшей крови, как когда-то это получилось у Джунаид-хана.

Погружённый в приятные его сознанию мысли, в 1400-м году от Хиджры по исламскому календарю, в священный месяц Рамадан ехал домой один из лидеров Туркменской Советской Социалистической республики. В кармане его белого льняного пиджака, небрежно брошенного на переднее сидение, лежал партийный билет. Он, конечно же, не был правоверным мусульманином, но чтит и уважал традиции своего древнего народа, глубоко уходящего корнями в историю, во времена Парфянского царства, во времена Бактрии и Согдианы, в эпоху персидского господства, в царство Александра Македонского. Воинственные турки-сельджуки и культура ислама, всё это перемешалось именно здесь, на его родине.

Сидящий на заднем сидении гордился воинственностью йомудов, от набегов которых трепетала Персия ещё с времён Надир-Шаха. Награбленное имущество и захваченных в рабство персов они выгодно продавали на шумных рынках Хивы, Хорезма и Мерва, а красавиц-персиянок, как правило, оставляли своими рабынями. Так уж сложилось веками: йомуды по достоинству ценили красоту чужестранок, а для продолжения рода брали в жёны только йомудок. Но ислам не запрещал иметь кроме жён и других женщин, поэтому красотки из Персии, с Кавказа и из южной Европы считались дорогим товаром. Джунаид-хан, прежде чем стать курбаши, занимался именно этим – набегам на Персию и торговлей захваченными рабами, и лишь советская власть сумела остановить тот прибыльный бизнес. Но несметные богатства последнего в их племени хана не растворились бесследно в песках Каракумов, они растеклись по клану его наследников. Лично для Курбан Сердара всё это золото в старинных ларцах уже, пожалуй, больше реликвия, чем деньги.

У сидящего на заднем сидении была странная привычка, о которой не знал никто. Иногда он доставал из тех шкатулок снятые с убитых христианские кресты, шестиконечные звёзды Давида, разнообразные ведические амулеты и подолгу разговаривал с ними, точнее не с ними, а с душами людей, которым когда-то принадлежали эти вещи. Он, почему-то, думал, что души погибших не могут надолго отлучаться от этих сакральных предметов, и считал себя их повелителем. Он беседовал с ними, задавал им различные вопросы, на которые у него самого не было ответа, и ему казалось, что потусторонние голоса этих душ отвечали ему, как своему господину. А что касается денег, они и так текли к нему рекой. Курбан Сердар расставлял своих людей на командные посты, а те своих – на «хлебные» места, и благодарность последних не имела пределов.

Сидящий на заднем сидении женат на йомудке из хорошего рода. Его сыновья учатся в Москве. Старший – на юридическом факультете МГУ, младший – в высшей школе КГБ. Хорошие мальчики, настоящие джигиты. Вроде бы всё в его жизни сложилось крайне удачно, если бы не одно маленькое «но» ... Судьба, почему-то, обделила его любовью женщин.

Ему, как истинному йомуду, не нравились женщины из своего рода. Курбан Сердар со школьной скамьи засматривался на девушек других национальностей, но не на всех, спаси Аллах, а только на красивых. Не подобает чингизиду, потомку Джунаид-хана даже думать об иных. Но красивые создания явно не видели в нём героя своих грёз. Это больно било по его самолюбию и тогда он дал себе клятву, что непременно добьется того, что сможет сам выбирать женщин и те, лучшие из лучших, покорно склонив головы, падут к его ногам. В постели Курбана побывало уже немало красавиц: за золото, за карьеру мужей, за собственную карьеру. Но, на свою беду, он был умным человеком, и с тоской осознавал, что среди всех его любовниц

нет ни одной от слова «любовь». В какой-то момент, как истинный потомок Джунаид-хана, он решил, что начнёт похищать понравившихся ему женщин, и с помощью ласки, подарков и личного обаяния будет постепенно приручать несчастных пленниц, отдавая себе отчёт, что притворные страсти всех его «любовниц» не стоят и малейшей крупички истинной любви.

Судьбы похищенных красавиц были на редкость схожи. Кто-то, в надежде вырваться на свободу, пробовал играть с ним в любовь, но он был проницателен и легко распознавал фальшь, кто-то напрочь отказывался от близости с новоявленным ханом. И те и другие отправлялись в качестве живых подарков его ближайшим ставленникам за пределы столицы, как в старые времена отправлялись на невольничьи рынки Хивы и Мерва строптивые рабыни. Что уж там происходило с ними, доподлинно не знает никто, но ни одна из пропавших домой не вернулась. Пустыня умеет хранить тайны своих хозяев.

Сидящий на заднем сидении, был упрям в достижении своей цели. Его кидало в крайности, он экспериментировал. В последнее время он был одержим идеей, что полюбить его по-настоящему, чистой и светлой любовью, сможет лишь целомудренная, невинная девушка. При этом он даже дал себе зарок, что если почувствует хоть искорку девичьей любви, то дарует за это пленнице не только свободу, но и богатство. Потомок курбаши был умным человеком, он понимал, что любовь, зародившаяся в неволе, жить в клетке не сможет.

Сидящий на заднем сидении, считал себя физически и духовно здоровым человеком, полезным членом общества, строителем социализма. Только вот у социализма этого было обличье басмача. Злата должна была стать седьмой подопытной жертвой потомка Джунаид-хана, но что-то вдруг пошло не так...

Глава 3

Уазик с Максимом, Златой и пересевшим к ним прапорщиком, миновав пустынный участок дороги, въехал в предгорья Копетдага. Все молчали, и лейтенант вновь непроизвольно погрузился в воспоминания. В его голове замелькали кадры затёртой киноплёнки из архивов памяти ...

Той весенней ночью он долго не мог уснуть. Перед глазами стояла Эсмеральда, в ушах звучали её странные пророчества. Максим не верил в мистическую чертовщину, а уж тем более, в цыганские гадания-предсказания, но подсознательно понимал неслучайность встречи с «не цыганкой-сербиянкой». Никакой это не морок, не сошёл же он с ума!? И она, совершенно точно, не была цыганкой. И внешне, и своим нарядом гадалка разительно отличалась от таборных женщин. У Гюго, кстати, Эсмеральда тоже не цыганка! Кем же в действительности была та девушка? Почему выбрала именно его? С какой целью предсказала его судьбу? Разумных ответов у Максима не было. Он чувствовал, что та встреча что-то изменила в нём, но никак не мог понять, что именно. Словами не описать, всё на уровне ощущений. Эти невнятные ощущения ручейками стекались в некий поток чувств, неподдающийся осознанию и контролю.

Начинало светать... Он подошёл к окну и распахнул шторы. Тьма уползала на запад. На чёрном бархате неба уже образовалась пока ещё очень тонкая, но быстро набирающая силу, розово-бирюзовая полосочка, и на этой растущей полоске кроваво-алыми цветами вспыхивали дальние зарницы. Из городского сада доносились последние соловьиные трели этой ночи...

Максим уснул перед восходом, и ему приснилась Эсмеральда. Она, величаво шествовала вдоль причудливо изогнутых чугунных решёток парковой ограды, накинув на голову свою солнечного цвета шаль, грациозно приподнимая обеими руками подол длинного платья. У входа в городской сад «сербиянка» на мгновение остановилась, оглянулась, как-то особенно ласково улыбнулась ему и, взмахнув на прощание рукой, пошла в сторону покорёженной ударом молнии эстрады танцплощадки. Максим хотел побежать за ней, но не смог даже сдвинуться с места, как это обычно и случается во сне. Из-под покалеченной кровли эстрады дымными клубами стала выползать непроглядная мгла, заполняя окружающее пространство густым чернильным туманом. Наступила какая-то совсем беспросветная тьма. Воронка пустоты затянула Эсмеральду в свою зияющую глубину.

Внезапно налетевший порыв знойного ветра, рассеял клубящуюся черноту, и Максим оказался на песчано-жёлтом берегу прохладной горной реки, стремительно летящей вниз по ущелью немыслимой красоты. Громады хребтов, обрамляющие эту великолепную панораму, взметнулись к лазурным небесам. Среди серых скал – изумрудные вкрапления кустарников и деревьев. Меж ними змеились хрустальные ручьи, спадая каскадами вспененных бело-голубых водопадов в могучий и неудержимый поток, несущийся с глухим рокотом по дну ущелья.

Земная твердь под его ногами дрогнула, как при землетрясении. Он оглянулся, поднял голову вверх и с ужасом увидел грохочущую лавину камнепада, мчащуюся на него с зазубренных горных вершин. Валуны, размером с двухэтажный дом, с бешеной скоростью неслись по склону, увлекая за собой всё новые и новые камни и громадные обломки горных пород.

Максим рванулся в сторону реки, но она, почему-то, оказалась где-то далеко внизу, и он уже бежал не по её берегу, а по большой, ровной, как стол, мерно раскачивающейся скале. Выбор у него был не богат: либо остаться на этой шатающейся скале и через секунду быть раздавленным катящимися сверху камнями, либо, прыгнув в пропасть, разбиться вдребезги. Но при прыжке сохранялся призрачный шанс, что там внизу его бережно подхватит синяя река и стремительно вынесет из зоны сплошного камнепада. Максим ускорил бег и с силой оттолкнувшись от кромки скалы с душераздирающим криком бросился вниз, туда, где бурлящим потоком неслась шальная река...

Он не разбился лишь потому, что проснулся. Перекошенный ужасом рот жадно ловил воздух, взбесившееся сердце пыталось вырваться из грудной клетки, а в окно нежными, ласковыми лучами светило утреннее солнце...

«Говорят, что пока человек во сне проваливается в бездну, он всё ещё растёт» – подумалось Максиму, и он сладко потянулся.

«Через три дня – в армию!» – злорадно напомнил мозг.

Вчерашнее мистическое настроение рассеялось без следа. В армию, так в армию! Зато через два года таким же безоблачным весенним днём он вернётся домой в чёрном берете морпеха, возмужавший в заморских походах, с загорелым и обветренным штормами лицом.

Тем утром будущее представлялось ему именно таким, хотя он уже тогда подсознательно пытался подогнать его под услышанные пророчества. Он думал, что после срочной службы всё-таки поступит в свой злополучный институт Азии и Африки и, сидя на лекциях, будет рассматривать в окна аудитории звёзды кремлёвских башен. От девчонок-сокурсниц, конечно же, не будет отбоя, но серьёзные отношения у него сложатся лишь с одной девчонкой. С красавицей-синеглазкой с его малой родины. Он сразу догадался, кого напропорочила ему в жёны Эсмеральда! Через пару лет она увидит его и сразу же полюбит. Главное, чтобы за эти два года она не вышла замуж, уж больно, зараза, красива... Самой «сербиянке» не уступит.

Максим записал все предсказания в блокнот, чтобы не стёрлись из памяти. А вдруг, что-нибудь сбудется ещё? Например, после окончания института его на пару лет могут призвать на воинскую службу и отправить в какую-нибудь африканскую или арабскую страну военным переводчиком. А там в это же время вполне может случиться война. Отец-то, ещё и года не прошло, как вернулся из Сирии... И на войне побывал, и орден «Красного знамени» заслужил, и звание – полковник – досрочно получил. Да в придачу ко всему, на полученные сертификаты купил «Волгу». А скалы, жара – этого добра в мире предостаточно...

«С женой – точно сбудется» – решил тогда Максим – «Вот только жаль, что полюбят меня всего лишь три красавицы...»

Ему нестерпимо хотелось обсудить эту странную встречу с кем-то взрослым и опытным. Понятное дело, не с родителями – поднимут на смех. Он решил пойти к главному редактору районной газеты «Урюпинская правда», в которой отработал репортёром целых две недели.

Пётр Павлович Кольцов относился к нему по-отечески и из редакции отпускать не хотел. Обещал дать рекомендацию для поступления на факультет журналистики Воронежского университета, где деканом был его фронтовой друг, прошагавший с ним от Сталинграда до Берлина.

После обеда Кольченко вышел из дома, пересёк злополучную рыночную площадь и бодро зашагал в сторону старенького двухэтажного здания редакции. Он торопился, так как знал, что рабочий день в пятницу порой бывает непредсказуемо коротким. Поздоровавшись с бывшими коллегами и рассказав им, что через три дня уходит служить на Тихоокеанский флот, Максим приоткрыл массивную дверь и заглянул в кабинет главного редактора. Пётр Павлович сидел сбоку от письменного стола, покрытого тёмно-зелёным сукном, и пил янтарного цвета чай из стакана в серебряном подстаканнике, на котором был выгравирован Юрий Гагарин и его ракета «Восток».

– О! Кольченко, какими судьбами? Заходи, попью чайку! – замахал свободной рукой главный редактор, приглашая в кабинет. — Жаль, лимончик закончился. Ты в гости, или по делу какому?

– В гости, Пётр Павлович. И по делу. В армию ухожу на днях, а тут жизнь неожиданно подкинула загадку, а решить самому не получается, – скороговоркой выпалил Максим, с уважением пожимая протянутую руку.

– Остался бы газете – не пошёл бы посреди весны на службу, готовился бы потихонечку к вступительным экзаменам, – поворчал для приличия главред, – а какие в Воронеже девчонки

красивые... Ладно, значит так, в горьком мне надо быть к пяти, а следовательно, времени у нас предостаточно. Сейчас я тебе чайку соображу.

– Не суждено мне было стать журналистом! Вы же сами сказали тогда, что понимаете меня. Не смогу я в жизни видеть одно, а в газете писать другое. Не умею я врать... Вам же и самому это не нравится, – мгновенно взъерошился Кольченко и так же быстро остыл, – вот за чай, спасибо!

– Ладно-ладно, воин будущий, не разлагай мне творческий коллектив. Выкладывай свою загадку, покумекаем вместе. Как говорится – одна голова хорошо, а полторы лучше, – перешёл на дружеский тон главред.

Максим поведал о вчерашней встрече с «сербиянкой», не упуская мельчайших деталей и подробностей, дополняя повествование жестами и мимикой.

– Красиво излагаешь. Хоть сразу в завтрашний номер, в раздел «Городские происшествия» – Кольцов, по редакторской привычке, оценил рассказ с профессиональной точки зрения.

– Лучше в «Очевидное-невероятное», слишком уж мистики много, – отшутился несостоявшийся репортёр.

– Ты в эту Эсмеральду, как я погляжу, влюбился, – редактор, по-мальчишески озорно, подмигнул Максиму.

– Может, и влюбился, да только толку-то от такой любви. Видно, не судьба. Она исчезла, а мне в понедельник на Тихоокеанский флот.

Пётр Павлович поставил перед Кольченко стакан с горячим чаем. На мельхиоровом подстаканнике через круглые иллюминаторы спутника радостно скалились звёздам жизнерадостные животные Белка и Стрелка.

– В «Очевидное – невероятное» тоже неплохо. Но, всё-таки, «Хочу всё знать» нам с тобой сейчас больше подходит, – уже вполне серьёзно подыграл ему главный редактор, – ты чаёк-то пей! Индийский, со слоном. Остынет – невкусный будет, а я пока помозгую над твоим загадочным репортажем.

Чай у Петра Павловича, и в самом деле, был хорош! Да и шоколадные конфеты с дерзким названием «Ну-ка, отними!» оказались свежими. Опустевший стакан главреда переключал со стола на подоконник.

– Начнём с того, что ни в какие потусторонние силы я, как коммунист, не верю, – начал Кольцов свой монолог, —и никогда не верил, даже в Сталинграде, во время самых тяжёлых боёв. А вот в Судьбу, представь себе, до сих пор верю. У немцев, знаешь ли, даже поговорка есть, что желающего судьба ведёт, а не желающего – тащит. По жизни, разумеется, тащит. Согласен?

Максим шмыгнул носом и утвердительно кивнул в ответ.

– Тебя цыганка держала за руку? Пальцы же у неё сначала были тёплые?

Кольченко снова кивнул.

– Ну а потом, может быть, замёрзла она, с женщинами такое иногда случается. Короче, живая она была, как мы с тобой. Точка! Не существует никаких мороков, как не бывает домовых, водяных, леших и прочих кикимор. Ну, ты же, слава Богу, комсомолец! Скорее всего, она не из нашего, не из Урюпинского табора. Может, в гости к подруге приезжала и видела, как ты из дома офицерского состава выходил? Для каких-таких цыган является секретом, что в городе стоит мотострелковая дивизия? Ну а сын офицера на самом деле частенько становится офицером. Сын дипломата – дипломатом, сын шахтёра – шахтёром, сын колхозника – колхозником. Династия, понимаешь... Вроде пока всё складно получается? – он взглянул на Максима, и тот снова кивнул.

– Вот с войной... да ещё с тремя... Даже не знаю, что и сказать... У нас сейчас разрядка международной напряжённости, сплошное разоружение и мирное сосуществование, так ска-

затя, полнейший миру – мир. Тут, я думаю, ошиблась твоя цыганочка, сгоряча про войну брякнула. Не хватило ей политической грамотности... Мы зачем фрицев до Берлина гнали? Зачем ядерное оружие создавали? Для того, чтобы вы ужасов войны не знали! Нет, войны не будет.

С любовью всё понятно, тема – самая расцыганская. Что ещё? Число зверя? Три шестёрки. Знак апокалипсиса по церковным понятиям. Да, действительно, если сто разделить на шесть получится 16,666 и 6 в периоде, а это не совсем три шестёрки. Да и делим мы не просто числа, а годы и получается, если сто лет разделить на шесть... шестнадцать лет и семь с половиной месяцев. Вот и нет твоих шестёрок, а есть, в аккурат, конец декабря девяносто первого года, то есть шестьдесят девятая годовщина СССР и наступающий Новый год с шампанским и мандаринами! Вот тебе и всадники апокалипсиса... Снимаем этот вопрос.

Горы, жара, река, льды, северное сияние – страна у нас огромная и необъятная, и всё это ты в своей жизни ещё не раз увидишь. Могла бы ещё добавить пустыню, тайгу, тундру, лес и степь... Ну что, разобрались мы с твоей головоломкой, товарищ Кольченко? – лукаво улыбнулся Пётр Павлович.

– Разобрались, наверное... – без особого энтузиазма в голосе отозвался Максим, – вот только с любовью не всё ясно. На ком я должен жениться, мне, в общем-то, понятно. А то, что всего лишь три красивые женщины за всю жизнь меня любить будут, даже обидно. Как-то уж совсем мало.

Максим впервые видел так искренне смеющегося главного редактора...

– Как же ты ещё молод! – тот вытер уголки глаз от выступивших слёз и уже вполне серьёзно продолжил. – Цыганка авансировала тебе удачу, так сказать, подарок судьбы, высшую награду... Три красавицы будут любить тебя больше жизни... Ты понимаешь? Больше жизни!!! Ты, Кольченко, вокруг-то повнимательней посмотри. Некоторые мужики всю жизнь проживут, а их ни одна женщина так и не полюбит. Не красавица, а просто баба. И не больше жизни, а хотя бы больше тарелки борща. Большинство мужиков считают за счастье, если в их жизни присутствовала любящая красавица. Хотя бы одна. Хотя бы одну ночь... Но любила. По-настоящему. А если ещё и больше жизни?! Ну, я даже не знаю, что сказать. Я тут для тебя как раз опасность вижу. Вот как полюбят они тебя одновременно? Ну, эти три красавицы... Да все больше жизни... Разорвёшься? Куда бежать-то будешь? От себя-то, брат, не убежишь... Говорят, что выбор приносит мучения. В твоём случае – адские муки, а вместо награды – высшая мера наказания! – Пётр Павлович грустно улыбнулся. – Знатоки, правда, утверждают, что красивые женщины любить, по-настоящему, не умеют, для них любовь – большая редкость, о такой любви пишут романы, снимают фильмы. «Анжелика – маркиза ангелов», например. Смотрел? Вот она своего де-Пейрака любила, пожалуй, больше жизни, а большинство красавиц попросту купаются в чужой любви... – он как-то безнадежно махнул рукой, вновь усаживаясь на своё место.

Возникла пауза.

– А если уж говорить совсем серьёзно, то мне в сорок втором, перед отправкой на фронт, тоже цыганка гадала. Как сейчас помню. Правда, не молодая и не красивая. Денег тоже не взяла. Сказала, что вернусь живой, на своих ногах и с двумя руками, что женюсь после войны на девушке из своего города, и будет у нас двое деток: мальчик и девочка. Всё сбылось...

Я в Сталинград совсем ещё юнцом попал. Дорогу перебежать, всего-то шагов семь, а она из пулемёта насквозь простреливается... Это очень страшно. Ни Бога, ни чёрта не поминал, не верил, а вот цыганку ту, врать не стану, вспоминал. Ну, милая, обещала – давай, выполняй. И вперёд, под пули. Сначала вроде, как в шутку, потом уже вполне серьёзно. И ничего. Так всю войну, до Берлина. Смерти бояться перестал, думал, что похоронил страх свой в Сталинграде. Лихим сержантом стал, боевые ордена на груди, а в Берлине меня страх-то и догнал. Тридцать лет минуло, а последний бой в мельчайших подробностях помню.

Конец апреля, теплынь, солнышко весеннее светит... и такая мясорубка... за каждый дом, за каждый двор, за каждый метр. Мы с дружкой бежали за бронёй танка, а в него, в танк наш, на маленькой такой площади перед высоченной красной кирпичной немцы два фаустпатрона всадили. Хана и танку, и экипажу, всё в огне, в дыму. Дружок мне под ноги упал... а головы у него нет, совсем нет, из горла кровь фонтаном хлещет... из крупнокалиберного... прямо в голову... – голос главного редактора как-то странно дрогнул.

Он поднялся со стула и подошёл к подоконнику, на котором стоял горшок с геранью. Взял в руку подстаканник с пустым стаканом, зачем-то переставил его на журнальный столик, стоящий у самого дальнего окна, и, раздвинув тюлевые занавески, минуты полторы внимательно рассматривал плывущие по небу облака... Не подходя к столу, он продолжил свой рассказ.

– Залез я под танк и не знаю, что делать. Машина горит, а если боекомплект рванёт – мало не покажется! Прячусь за клубами дыма и понимаю, что и минуты не пройдет, как убьют. Бежать назад, к дому? Метров тридцать... Тоже верная смерть! А бой-то, наверное, последний, до Рейхстага километр остался.

Вот тогда-то я и решился на разговор с Богом, без всяких там молитв, так, по-солдатски. Мол, помоги, Господи! Молодой я, жить хочется, аж страсть. Помоги, что тебе стоит? Дай знак! Я по твоему знаку и рвану. Глаза прикрыл, жду, значит, знака... Вокруг пули летают... Автоматные – как воробушки посвистывают, пулемётные – фырчат, а те, которые в танк попадают, рикошетируют с каким-то загробным завыванием... И вдруг перед глазами появляется та самая цыганка, с Поворинского вокзала, и говорит с укором, мол, война кончается, а ты тут разлёгся. И командует – «Бегом марш!» Я по её команде, не раздумывая, вскочил и рванул к дому. Показалось мне тогда, что пока бежал, вечность прошла... Ввалился в подъезд... Живой, не ранен даже... А к концу следующего дня война-то и закончилась. Так, пацаны из гитлерюгенда изредка постреливали кое-где. Если честно, я до сих пор не понял, кто мне команду на перебежку подал: то ли Бог, через цыганку, то ли та самая цыганка, напрямую, без всякого Бога.

Домой вернулся, женился на девчонке, о которой всю войну мечтал. Выучился, детей родили, мальчика и девочку. И жена меня всю жизнь любит. Не скажу, конечно, что первая красавица, но вполне симпатичная, ты ж её знаешь. Другие женщины в моей жизни, если уж на чистоту, тоже были, но красавиц, на которых мужики оборачиваются, не было ни одной. Тебе же, за каких-то шестнадцать лет, аж трёх таких пообещали! А потом-то, может, и ещё три раза по три... А ты – маловато будет! Стыдитесь, Кольченко.

А если уж совсем серьёзно, то думаю я, что любовь красивой женщины – конечно же, награда. Узнать бы у кого, за что вручает судьба такие награды... – и он опять незаметно перешёл на шуточный тон.

Минут через десять, получив наказ служить достойно, Максим вышел из редакции на шумную улицу. В молодой траве качали золотыми головками будущие одуванчики. Над ними, ошалело вращая крыльями, надрывно жужжал чёрно-жёлтый шмель, опьянённый хмельной весной, выживший наперекор морозам и выюгам. Кольченко брёл в сторону дома, всё отчётливее осознавая, какая сложная штука жизнь. Пошёл к умному человеку со своими вопросами, тот, вроде бы, всё разъяснил, а в результате вопросов стало ещё больше.

Скрип тормозов вернул его в настоящее. Уазик остановился в конце урочища Фирюза, у ворот, за которыми начиналась самая настоящая погранзона. До границы с Ираном отсюда было не больше трёх километров по Арчабильскому ущелью, в котором и располагалась застава «Фирюза». Слева и справа от ворот тянулся солидный забор, увенчанный спиралью колючей проволоки. Он перекрывал даже текущую по долине речку Фирюзинку, упираясь в отвесные скалы ущелья. Максим вышел из машины и с наслаждением вдохнул порцию чистого и относи-

тельно прохладного горного воздуха. Из калитки, расположенной рядом с воротами, появился пограничник с автоматом на плече. Он взглянул на документы лейтенанта, и открыл ворота.

– Можете проезжать. До заставы – чуть больше километра. С дороги не сворачивайте. Старший лейтенант Шевченко ждёт Вас.

Дальнейший путь пролегал по сказочно красивой местности. Дорога серпантинном взбиралась вверх, а навстречу каскадами водопадов спускалась с гор весело бурлящая речка. Воздух был напоён мельчайшей водяной пылью, скалы поросли кустарником. На небольших и относительно ровных участках земли росли красавицы чинары и стройные пирамидальные тополя. Завершив подъём по «тёщину» языку», узик въехал в Арчабильское ущелье. Оно оказалось ещё более красивым, чем Фирюзинское. Фирюза – дачный посёлок, горноклиматический курорт, а здесь – дикая природа в своей первозданной красоте. Само урочище не отличалось большими размерами: километра два в длину и не более пятисот метров в ширину. За ним каменным массивом, возвышались громады гор, вероятно, уже иранского Копетдага. Уютная долина радовала глаз изумрудным цветом, казавшимся таким необычным после желтизны каракумских песков. Обочины дороги заросли высокой и сочной травой. Речка спадала в долину водопадом и, извиваясь змеей, неслась в сторону Фирюзы. В центре долины высились деревья, их кроны сплетались в сплошной зелёный шатёр. Вдоль дороги росли старые яблони с вполне созревшими яблоками на скрюченных ветвях. После раскалённых, унылых барханов Кызыл-Арвата это место казалось раем, причём со всеми его неперенными атрибутами – с райским садом и с запретными плодами. Можно было не сомневаться, что и змей-искуситель здесь тоже водился. Проехав сквозь эти кущи, машина остановилась у белого здания погранзаставы.

«Именно так, наверное, и выглядит «небесная канцелярия» – завистливо вздохнув, подумал про себя лейтенант.

В беседке, под сенью раскидистой акации, сидел Денис. Пограничник был по-мужски красив: высокого роста, атлетически сложенный, с правильными чертами лица и чёрными, слегка выющимися волосами. Глубоко посаженные карие глаза с пронизательным взглядом, прямой греческий нос, волевой подбородок свидетельствовали о твёрдости характера, а приплюснутые боксёрские уши подчёркивали брутальность натуры. Он родился и вырос в Ленинграде, в профессорской семье и в дополнение ко всем своим внешним достоинствам был ещё начитан и умён, свободно изъяснялся на французском языке, неплохо знал английский. За четыре года службы на иранской границе самостоятельно постиг фарси. В данный момент он исполнял обязанности начальника заставы, то есть был на этом участке государственной границы самым главным человеком. За время учёбы Денис не женился, видимо не найдя достойную кандидатуру, но на отсутствие женского внимания пожаловаться не мог, ни в училище, ни здесь, в Туркестане, правда, до серьёзных отношений дело не доходило ни разу. С Максимом они сдружились в кызыл-арватском госпитале. У них было много схожего и в воспитании, и в чертах характера, и в мировосприятии. Денис был на пару лет старше, но это не отражалось на их взаимоотношениях. За тот госпитальный месяц они сблизились и, расставшись, какое-то время переписывались, но потом потеряли следы друг друга.

Той осенью калейдоскоп туркестанских событий крутился с бешеной скоростью. Практически одновременно один из них угодил в спецназ ГРУ, а другой был переведён на афганскую границу, под Тахта-Базар. Казалось, суровая жизнь развела друзей навсегда, но Судьбе было угодно вновь пересечь их пути, столкнув лбами в библиотеке дома офицеров. По дороге на заставу Максим рассказал Злате всё, что знал о Денисе, и теперь она с интересом разглядывала его друга.

– Я уж думал, что не приедешь. Всем – добрый вечер и добро пожаловать! – с восхищением глядя на девушку, произнёс пограничник. – Знакомь со свитой!

Максим представил всех друг другу, и инициативой вновь завладел Денис.

– Макс, учитывая твою тягу к романтике, я дал команду разбить шатёр на сказочной полянке у водопада. Это специально подготовленное место, мы там обычно размещаем начальников, приезжающих с проверками. Вам, двоим, места точно хватит! Григория Семёновича разместим в ленинской комнате, рядом с Марксом и Энгельсом, а водителя определим в казарму к пограничникам, – он вопросительно глянул на Максима, – возражений нет?

После раскалённого Ашхабада – палатка у водопада! Звучало заманчиво, но лейтенант на всякий случай уточнил, входит ли в комплект полотняного шатра противопавучий набор – кошма и длинная верёвка из овечьей шерсти. Уж очень не любил он скорпионов, фаланг и каракуртов! И, наверное, потому что никаких других надёжных способов защиты от ядовитой нечисти не существовало, он верил в чудодейственность этих немудрёных атрибутов из жизни кочевников.

– Обижаешь, начальник... – театрально сморщил нос Денис, – план таков: сейчас подойдёт Ровшан – бача из Хорога, отличный парнишка, учит меня премудростям дари. Вы с ним выдвигаетесь на обговоренную точку в район водопада. Он всё расскажет и покажет. Можете искупаться и расслабиться. Хозяйские хлопоты возьмёт на себя Ровшан, а я после отправки нарядов на охрану госграницы, где-то через часик, приеду к вам с холодной водочкой на горячие шашлыки, которые к тому времени, несомненно, будут готовы. Промоем печень от остатков желтушного билирубина, и ты, наконец-то, расскажешь мне и про свою войну, и про свою непутёвую жизнь. Лады?

– Хоп! – кратко отозвался Максим.

– А вот и Ровшан! Давай-ка, брат, забирай гостей и вези их на водопад, а потом, на этой же машине, пулей ко мне, для уточнения задачи. Понял? – Денис хлопнул пограничника по плечу. – Заскочи по дороге к старшине, возьми у него нулёвые комплекты белья и банные полотенца. Вперёд!

Бача метнулся в каптёрку и через минуту вынес оттуда стопку чистого постельного белья, три куса банного мыла, тюбик лецитинового шампуня и три роскошных махровых полотенца, с которыми не стыдно было бы выйти и на сочинский пляж. Уазик тронулся и, недолго попетляв между деревьев по едва заметной грунтовой дороге, выскочил на небольшую ровную площадку – уютное местечко среди вековых чинар на берегу речки с ласковым названием Фирюзинка. По центру располагалось выложенное камешками место для костра, вокруг него, не симметрично, разместились семь достаточно крупных валунов, на которых, наверно, было удобно сидеть у огня, одновременно созерцая и пляску языков пламени костра, и струящийся поток реки. Ближе к берегу, под чинарой с идеально раздвоенным стволом, достойной пера Омара Хайяма, была оборудована курилка со скамейками, стоящими под прямым углом друг к другу. В выкопанную между ними ямку практически без зазоров вписалась цинковая коробка из-под патронов, служившая урной для окурков. С противоположной стороны, между кострищем и водопадом, в каменистом грунте было выкопано углубление под большую квадратную палатку, дно и стенки которого были обложены плоскими скальными обломками, подогнанными друг к другу плотно и красиво, как мозаичные осколки. Над всем этим великолепием возвышался деревянный столб с крестовиной для фиксации углов полотнища палатки.

– Здесь располагайтесь пока, пожалуйста! Пойдёмте, я покажу водопад и место, где удобнее всего купаться, – с улыбкой на лице произнёс Ровшан, приглашая жестом следовать за собой.

По тропинке сквозь заросли арчового кустарника, они вышли к водопаду и замерли в немом восторге. Фирюзинка в этом месте спадала с края широкой скалы. Срываясь с пятиметровой высоты на большие округлые камни, она, игриво брызгаясь, стекала в овальное озерцо. Стремительный поток, ненадолго замерев в этой каменной ванне, с журчанием уносился вниз по долине.

– Глубина тут около двух метров, можно плавать, – Ровшан указал рукой на водоём и повёл всю компанию вверх к скальному уступу, с которого вода начинала своё падение.

Взобравшись туда, они увидели то, что нельзя было увидеть из долины: из высоченной скалы ближайшего горного отрога на разных высотах вырывались три хрустально-прозрачные струи. Долетев до поверхности, они рассыпались фонтанами мелких брызг и стекали по расщелинам, вновь объединяясь в единый поток. Чуть дальше этот поток проваливался в какой-то природный кяриз, ведущий, по всей видимости, в расположенное ниже овальное озерцо.

– Когда светит солнце, здесь всегда бывает радуга. Смотрите! – пограничник указал рукой в сторону поросшего кустарником распадка, спрятавшегося между двумя горными отрогами.

В воздухе висела радуга: небольшая, яркая и очень близкая. Казалось, что до неё можно дотянуться рукой! После экскурсии все вернулись на полянку. Ровшан с водителем отправились на заставу за палаткой, мангалом, дровами и всем остальным, необходимым для организации дружеского ужина, а оставшиеся приступили к водным процедурам. Было решено, что первыми купаться идут мужчины. Скинув одежду, Кольченко с Язвицким поспешили к манящей прохладе водопада. Тот, кому доводилось жить среди раскалённых песков, поймёт испытанное ими наслаждение, а кто не знаком с настоящим зноем, никогда не сможет представить себе и десятой доли того счастья, которое дарят телу ледяные струи воды. Пустыни, ведь, тем и хороши, что где-то в них скрываются родники... Экзюпери это знал не понаслышке.

Блаженство продолжалось недолго и закончилось лёгким ознобом – вода с тающих ледников не бывает тёплой. Довольные и чистые, мужчины вернулись на полянку. Злата ждала их, сидя в курилке. У неё на коленях лежало свёрнутое махровое полотенце, мыло и тюбик с шампунем.

– Я у тебя в дипломате видела тельняшку, дай мне её на время, пожалуйста. Хочу постирать свои вещи. Мне кажется, что от них до сих пор пахнет бандитами, а переодеться не во что, – смущённо обратилась к лейтенанту девушка.

– Бери, только, боюсь, она будет тебе слегка великовата.

Максим проводил Злату до озерца и показал, где удобнее спускаться к воде.

– Плавать-то умеешь? – спросил лейтенант и, получив утвердительный ответ, и уже уходя, добавил – если что, кричи!

– Обязательно! – донёсся ему вдогонку звонкий голос девушки.

Язвицкий, с сигаретой в зубах, ждал Максима в курилке, морща в раздумьях загорелый лоб, плавно переходящий в лысину.

– Всё кумекаю, как лучше поступить... Думаю, Злату надо завтра же отправить куда подальше отсюда, к бабушкам, к дедушкам, а с проблемами мы потихоньку разберёмся. Нет субъекта конфликта – нет и самого конфликта. Нормальный вариант, – изрёк прапорщик, затянувшись дымком.

– Во-первых, нет у неё ни бабушек, ни дедушек, она – круглая сирота. Во-вторых, деньги и документы её остались у воров в машине. Да ладно, расслабьтесь, кривая как-нибудь вывезет, – лейтенант беззаботно улыбнулся, хотя прекрасно осознавал степень риска предстоящих событий.

Он не собирался втягивать во всё это старого, как ему казалось, человека, а главное – ему не хотелось отпускать от себя Злату. Она – ниточка, ведущая к Эсмеральде. И вообще, подарками судьбы разбрасываться не принято!

Но прапора неожиданно прорвало. Он заявил офицеру, что тот – самонадеянный мальчишка, несмотря на то что успел побегать под пулями, и что мыслит он не стратегически, а тактически, стремясь выиграть ближайший бой, тогда как здесь требуется одержать победу в войне.

– Тебе, может быть, и удастся помочь девушке, но ты неизбежно подставишься сам, подставишь под удар свою семью. Блатной мир ведёт себя подло по отношению к миру нашему, урки не прощают обид. Их сила в том, что для них закон не писан. Воровство, грабежи, убийства – это их жизнь, их стихия. Примешь бой на их условиях? Тоже станешь убивать? Но здесь не война. Убьёшь – сядешь в тюрьму. Да и вообще – их слишком много для тебя одного. Практически все козыри в предстоящей схватке у бандитов. Они уверены, что добьются своего не мытьём, так катаньем. Вот на этой их уверенности мы и должны сыграть. В колоде игральных карт есть не только козыри, но и джокеры. Наша задача – грамотно их использовать, — прапорщик, чиркнув спичкой, прикурил размятую меж пальцев сигарету. – Нам надо понять, чей заказ выполняют воры. Это первый джокер. Второй – противоречивая информация о твоей личности: кто ты, какие силы стоят за тобой? Начнём рассуждать?

– Начнём, – отозвался явно заинтересованный лейтенант, прикуривая от дымящейся сигареты прапорщика.

– Тогда слушай. Тема с наложницами для Туркмении, увы, не нова. Молодые, красивые женщины исчезают бесследно. Милиция их не ищет, так как знает, что этим обычно промышляют люди, облечённые властью, с большими деньгами и возможностями. Не находят даже тел: труп, вывезенный в Каракумы, шакалы обгладывают за ночь добела, а к утру на кости ветер намечает бархан. Для ментов поиски пропавших – висяки, да к тому же, многие из них за деньги тем же баям и прислуживают, – прапорщик сделал короткую паузу.

– Я-то, дурак, думал, что феодализм в Афганистане, а мы тут, как бы, при советской власти живём... – хмыкнул Максим, прапорщик лишь саркастически поморщился.

– Местная специфика. На первом месте – родоплеменные отношения, текинцы – за текинцев, йомуды – за йомудов, а советская власть здесь и есть эти самые бай. Но и они не одним миром мазаны, и делятся, как минимум, на две категории. К первой относятся теневые дельцы, вороватые председатели колхозов «Сорок лет без урожая», нечистые на руку директора заводов, магазинов, ресторанов... Да вот, хотя бы, наш с тобой командир полка, Скотишвили, сам же знаешь – подпольный водочный король пустыни! Наладил производство спиртного в подвалах винтовочного полигона. Вот он – бай? Несомненно! Имеет свой гарем с наложницами? Нет. Зачем ему проблемы? Он любовниц купит столько, сколько сможет, а любовницы – в рамках закона. Так же поступают все байы этой категории, дураки среди них мало, – продолжил повествование Язвический.

– Знал бы Петруха, за какое светлое будущее женщин Востока отдал свою жизнь... – съязвил лейтенант.

Григорий Семёнович пропустил реплику Максима мимо ушей. Он был сосредоточен на своём рассказе.

– Вторая категория баев – партийные и советские начальники. Они же – родоплеменная знать. Сталинская политика опоры на местные кадры замкнула свой порочный круг. Они уже везде, на всех командных должностях, кроме армии. И всё-то у этих баев хорошо, вот только любви некоторым из них, почему-то, сроду не хватает. Вековые традиции ислама, наверное. Тянет их, кобелей, на чужеродных красавиц, а купить за деньги понравившуюся «спортсменку и комсомолку» получается не всегда и не у всех. Подводим итог. Бай, заказавший себе в наложницы Злату, из какой категории?

– Получается, что из второй, – ответил Кольченко.

Со стороны водопада, из-за густых кустов, бесшумно ступая босыми ногами по тропинке, появилась Злата. Тельняшка Максима сидела на ней, как платице, распущенные волосы были уже почти сухими. Мужчины, увлечённые разговором, не заметили её появления. Она остановилась в нескольких шагах от них и, прислонясь плечом к стволу чинары, внимательно вслушивалась в мужской диалог. Язвический, прикурив очередную сигарету, продолжил размышления.

– Согласен, поэтому, сдаётся мне, что в ментовку с этим делом соваться не стоит, может себе дороже выйти. Но то, что наш бай, вероятнее всего, номенклатурный, нам, как ни странно, на руку. По понятиям уголовного мира вору в законе сотрудничать с властью западло. Именно об этом воры спорили в кафе. Это – наиболее уязвимая точка нашего противника, – подытожил он.

– Наверно, всё это так, только как мы сможем этим воспользоваться? – Максим никак не мог уловить ход мыслей Язвицкого.

– Как, как... «Элементарно, Ватсон!» В воровском мире всё структурировано, как в армии. Разведка противника уже собирает данные о тебе, и мы обязаны толково разыграть эту карту. Сведения о лейтенанте Кольченко должны быть смешаны с информацией о некоем партийном начальнике, присмотревшем Злату себе в наложницы. Итак... Известно, что бандиты предпочитают не связываться с людьми в погонах без крайней необходимости, но в нашем случае такая необходимость у них возникла, да и погоны у тебя не кагэбэшные и не милицейские. Но зуб даю, как говорят урки, у братвы возникнут сомнения, что ты армейский офицер! Посуди сам: ты расхаживаешь в спецназовской форме, в тельняшке, а во всей Туркмении ни спецназа, ни ВДВ нет. Ты – лейтенант, а разъезжаешь на уазике, как командир полка. Не секрет, что ты недавно вернулся из Афгана, что служил там в засекреченном «мусульманском батальоне», в подразделении ГРУ ГШ ВС СССР. Эта аббревиатура вполне может воздействовать на Ашота не слабее, чем КГБ или МВД. Весь город знает, что в ближайшие дни именно Генеральный штаб будет проводить здесь, в Туркмении, грандиозные учения.

Основным источником информации о тебе будут местные, ашхабадские прапорщики, с которыми блатные росли в одних дворах, учились в одних школах. Я этих товарищей знаю, их не так уж много.

– И как мы сможем воспрепятствовать вору собрать всю эту информацию? – спросил Максим, силясь понять коварство плана старого вояки.

– Да никак! Мы просто смешаем информацию с дезинформацией в нужных пропорциях. Главное, чтобы они пришли к выводу, что ты здесь с какой-то непонятной миссией и, следовательно, твоё исчезновение вызовет переполох. А после твоих контактов с приближёнными к Ашоту бандитами, искать крайнего менты будут не долго.

Предлагаю начать действовать немедленно, с восточной хитростью и по-азиатски вероломно. Я сейчас шашлычка отведаю, и отпускай меня, командир, обратно в Ашхабад. За воскресенье с кем надо «случайно» пересекусь и всё, что надо про тебя ненавязчиво поведаю. Эта информация дойдёт до нужных ушей. Правда, что-то они смогут подчерпнуть и из других источников, например, через солдат, но те про тебя и так мифы сочиняют, – подытожил Язвицкий.

– Григорий Семёнович, то, что вы предлагаете, называется стратегией не прямых действий, – голос Златы прозвучал неожиданно.

Прислонившись к дереву, она с улыбкой смотрела на увлечённых беседой мужчин. Тёплый ветерок трепал её волосы. В тельняшке, почти полностью оголившей её стройные ноги, Злата выглядела чертовски привлекательно.

– Как-как ты обозвала нашу стратегию? – спросил Максим, не отрывая восхищённых глаз от её ног.

– Стратегия не прямых действий. Разве в военных училищах не преподают Лидл Гарта? – вопросом на вопрос ответила девушка, одёргивая подол тельняшки.

– Кого-кого?

– Лидл Гарт – английский писатель. Одна из его книг так и называется «Стратегия не прямых действий». На примерах многочисленных сражений и войн трёх последних тысячелетий, он доказывает, что победа достаётся не тому, кто идёт напролом, а тому, кто использует хитрость. Тот, кто вводит противника в заблуждение, заставляя того ошибаться и делать непра-

вильные ходы, как правило, побеждает более сильного врага, – Злата, присела на краешек скамейки, – я эту книгу наизусть помню, в десятом классе её перевод был моим дополнительным заданием по английскому.

Мужчины лишь недоумённо переглянулись.

– Глянь, что тельняшка с человеком делает! Не успела надеть, а уже о стратегии заговорила! – Все дружно рассмеялись.

Максим прочитал много книг, и мнил себя весьма эрудированным человеком, но, к сожалению, имя Лидл Гарт и название его книги слышал впервые. За руководство к действию был взят план Язвицкого. Других вариантов у них и не было, ну разве что, пустить всё на самотёк. Вдруг кривая, и в правду, вывезет?

Послышался шум мотора, и на полянку выкатился уазик с Ровшаном и парой пограничников. Они выгрузили из машины новенькие матрасы, палатку, раскладной стол, мангал и изрядное количество дров. Шампуры и мясо для шашлыков размещались в большой брезентовой сумке, вместе с посудой и столовыми приборами. Закипела работа по обустройству места ночёвки. Злата явно чувствовала себя неловко под нескромными взглядами бойцов.

– Я не разу в жизни не пробовала ежевику. Максим, проводи меня, пожалуйста, к водопаду, Ровшан сказал, что там её полно.

– Пойдём, посмотрим на тот малинник, а заодно расскажешь мне о себе поподробнее. Хоп? – лейтенант поднялся со скамьи и протянул Злате руку.

– Хоп! – она улыбнулась и протянула ладошку навстречу его руке.

Добравшись до ягод, девушка начала свой рассказ, собирая спелую ежевику в горсть и периодически отправляя её в рот целыми пригоршнями.

– Я выросла в детском доме, в Иваново. Мой отец погиб за два месяца до моего рождения, мама умерла, когда мне было десять лет. Сердце. Бабушки и дедушки погибли во время войны, а других родственников у меня не было. Училась я хорошо и без проблем поступила в ивановский университет на факультет романо-германской филологии. Специализация – французский и английский, а факультативно изучала фарси. Весной мне предложили продолжить углубленное изучение восточных языков в университете Ашхабада, где преподают, пожалуй, лучшие в СССР специалисты, носители языков. В Иваново меня ничто не удерживало, все учебные программы я выполнила досрочно, сдала экзамены и решила воспользоваться возможностью в совершенстве овладеть фарси. Ехала сюда на год. Южная республика, много солнца, фруктов, да и мир хотелось посмотреть. Оформив все документы, в начале июля прилетела в Ашхабад. Сдала бумаги в деканат, прошла медкомиссию. Пять дней прожила в общежитии, а потом сняла в городе однокомнатную квартирку, не понравилась мне их общага. Деньги у меня есть, по наследству от прабабушки мне достались её сбережения. Я экономная, да и стипендию получала повышенную. Отведала южных фруктов... – Злата вздохнула и отправила в рот очередную пригоршню ежевики.

– Слушай, мы с тобой земляки! Я родом из Ивановской области, из Приволжска. Девятый класс целиком там отучился, пока родители были в заграникомандировке. В Иваново навещался на соревнования: бокс, футбол, волейбол.

– Наши мальчики играли за «Буревестник», я ходила за них болеть.

– Возможно, мы виделись с тобой на стадионе. Летом семьдесят третьего у нас было две встречи с «Буревестником» на их поле.

– Всё может быть, только мне тогда было всего тринадцать, – отозвалась Злата и вновь улыбнулась фирменной улыбкой Эсмеральды.

Послышался шорох, и из густых зарослей выскользнула полутораметровая змея такого же светло-коричневого цвета, как скалы в районе водопада. На её поблёскивающей спине располагался ряд поперечных тёмно-бурых пятен. Голова у змеи была крупная и широкая, покрытая ребристой чешуёй. Девушка, испуганно ойкнув, прижалась к Максиму.

– Не шевелись, – тихо произнёс лейтенант.

Гюрза, а это, несомненно, была она, по-хозяйски переползала тропинку в шаг от них. На мгновение грозная рептилия остановилась, подняла голову и внимательно глянула на людей вертикально вытянутыми зрачками. Решив, что эти двое не представляют опасности, гюрза продолжила путь в сторону ближайшего распадка и через пару секунд скрылась в изломе скальной расщелины.

– Змея или змей? – вопрос Максима повис в воздухе, застывшая в оцепенении Злата молчала, и тогда лейтенант глубокомысленно изрёк: – змей! Несомненно. Превосходный экземпляр настоящего змея!

Глянув на босые ноги девушки и сообразив, что она боится, он подхватил её на руки и понёс в сторону палатки. Злата благодарно обвила его шею руками и, прижавшись к нему, шёпотом спросила:

– Как ты определил, что это змей?

– Ты не заметила, как он на тебя посмотрел? Однозначно, змей. Самый настоящий змей-искуситель! – Рассмеялся Максим. — Неужели ты до сих пор не поняла, что мы в раю?!

Сумерки в горах сгущаются быстро. Южная ночь ворвалась в ущелье, словно банда басмачей в незащищенный кишлак. Только что был день, и вдруг – всё небо в звёздах... Со стороны поляны послышался натужный звук стартера. Машина нехотя завелась и, сверкнув в сумраке жёлтыми снопами света фар, направилась в сторону заставы за старшим лейтенантом Шевченко.

Около овального водоёма Максим бережно опустил девушку на валун, прогретый солнечными лучами. Одёргнув подол тельняшки, она сняла с арчового куста свою уже успевшую высохнуть одежду. Через несколько секунд молодые люди вышли на полянку. Плавающий костёр отбрасывал причудливые отблески на тёмные силуэты ближних чинар. Его блики плясали на полах выцветшей палатки, аккуратно заправленных под крестовину. Её купол, похожий на зонт, укрывал место их предстоящей ночёвки. Поверх кошмы, накрывшей мозаичный пол, разместились сложенные друг на друга матрасы и подушки. Сверху, стопкой, лежало белоснежное постельное бельё. Вокруг всего этого кольцом была брошена верёвка из овечьей шерсти – оберег от паукообразных тварей. В мангале фиолетово-голубым пламенем догорали ветви саксаула, превращаясь в жаркие угли.

Озарив полянку светом фар, под чинарой остановился вернувшийся с заставы узик. Из него вышел Денис с плетёной корзиной в руках.

«Всё в этой жизни старайся делать красиво...» – Максиму неожиданно вспомнились слова Эсмеральды; он улыбнулся и подумал, – «а почему бы, чёрт возьми, и нет!?»

Отправив Ровшана с водителем под струи водопада, офицеры самостоятельно приступили к сервировке раскладного стола. Вместо скатерти была использована сверкающая белизной простыня, и на неё выставлялось то, что послал им на ужин Бог. Уж раз они в Раю, то кто же ещё?

Бог, в обличье начальника заставы, в этот вечер им послал яблоки, груши и инжир, нарезанную стружкой матовую бастурму и крупными кусками – колбасу собственного производства. Рядом с ломтями хлеба горкой возвышалась разнообразная зелень. Из-под её фиолетовых и зелёных листочков проглядывали красные бока помидоров. Тут же, в алюминиевых плошках, томились соусы: красный – томатный, жёлто-зелёный – ткемалевый, чёрный – гранатовый. Между ними примостились аппетитные ломтики осетрины холодного копчения и мисочка с чёрной икрой – дары от братской заставы с берегов седого Каспия. Жёлтые кругляши порционного сливочного масла, дабы не растаять, плавали в котелке с холодной водой, зачерпнутой из речки.

Из казавшейся бездонной корзины были извлечены три запотевших бутылки «Столичной», московского, между прочим, разлива и три таких же запотевших бутылочки лимонада.

– Это – для ребёнка, – сказал Денис, взглянув на Злату с печальной улыбкой Пьеро.

Неоткупоренные ёмкости в ожидании своего часа были сложены в авоську и опущены в холодные волны Фирюзинки. Глядя на заставленный снедью стол, стало понятно, почему Ровшан не спешил ставить мясо на угли мангала...

Бойцам накрыли на расстеленных на траве полотенцах, яства были те же, что и на командирском столе, кроме водки, разумеется. Советские офицеры никогда не приступали к трапезе, не накормив солдат. Денис, на правах хозяина, разлил спиртное по стопкам.

– За встречу и знакомство! – произнёс он короткий тост.

Мужчины выпили, Злата пригубила. Разговор не завязывался. Денис разлил по второй. Выпили за дружбу. Канва беседы, мал-помалу, стала налаживаться. Пограничник первым отложил вилку в сторону.

– Давайте-ка, выкладывайте, что там у вас стряслось. По вашим лицам сразу видно, что произошло нечто из ряда вон выходящее, – обратился он к Максиму.

Лейтенант, не вдаваясь в детали, ввёл его в курс последних событий.

– Да уж... В наших диких краях, к сожалению, такое иногда случается, но вы, Златочка, не переживайте, мы Вас в обиду не дадим. Ворота погранзаставы «Фирюза» для Вас всегда открыты! Здесь с Вашей головы не упадёт и волосок. Лично я готов драться за Вас хоть с самим дьяволом! *A la guerre, comme a la guerre*, мадмуазель, – Денис поднял вверх сжатый кулак, – на войне, как на войне!

– *Au besoin on connait l'ami, et au danger on – les braves*, – одарив пограничника благодарным взглядом, произнесла в ответ Злата.

– Друзья познаются в беде, а храбрые – в опасности, – перевела она для Максима и Язвицкого.

Измученный Денис вышел из-за стола и подошёл к девушке, картинно склонив голову. Злата элегантно и непринуждённо протянула ему руку для поцелуя, и тот почтительно коснулся её губами.

«Однако, совсем не дурные манеры для круглой сироты и воспитанницы детдома» – отметил про себя Максим.

Дальнейшее обсуждение темы похищения наложниц временно свернули из-за недостатка исходных данных, решив дождаться следующих шагов со стороны воров.

– Вообще-то, в идеале девушка должна быть толстой и некрасивой, тогда её никто и никогда не украдёт! – высказал оригинальную, но весьма спорную мысль, Денис, разливая по стаканам водку.

Третью стопку, не чокаясь, выпили за тех, кого уже нет. Даже Злата выпила до дна свою мизерную дозу, налитую ей в начале застолья. Григорий Семёнович, наверно, вспомнил фронтовых однополчан, а у лейтенанта перед глазами закружился свой печальный хоровод лиц, навсегда оставшихся молодыми. Счёт потерь в ходе операций, в которых ему довелось участвовать, к маю 1980-го выглядел внушительно. Штурм дворца Амина, первая Кунарская операция, Печдаринское ущелье... Он догадывался, какой ад сейчас творится в долине реки Кунар от Асмара до Джелалабада. Но в данный момент Максим, вне всяких сомнений, находился в раю, и молча опрокинув стопку, мысленно поблагодарил судьбу, так кстати улыбнувшуюся ему милой улыбкой Эсмеральды. Лейтенанту сейчас было наплевать на все бандитские козни. Над его головой разгоралась счастливая звезда, зажженная неведомыми силами, непонятно за что его полюбившими. Вера в удачу всё прочнее и прочнее укреплялась в его душе.

Глава 4

Тишину, возникшую после третьего тоста, первым нарушил Ровшан, подав к столу партию покрытых румяной корочкой аппетитно дымящихся шашлыков. Под это дело из Фирюзинки была выловлена вторая бутылка водки. Застолье набирало обороты.

– Расскажи-ка нам, братан, что там за Амударьёй и Пянджем творится? По официальной информации невозможно понять реальную картину происходящего, а слухи ходят самые разнообразные. У нас уже началось комплектование специальных команд для переброски в северные провинции Афганистана. Что их там ждёт? К чему готовиться? – спросил Денис.

Столовые приборы легли на скатерть. Солдаты переместились поближе к офицерам и тоже приготовились слушать. Это интересовало всех, ведь правдивых данных о тех событиях в открытом доступе не существовало.

– У каждого, побывавшего за речкой, свой Афган. В моём видении – это обыкновенная война, только без линии фронта. Она – как работа, трудная и опасная, та самая боевая работа, которой обучали в училище. Работа тяжёлая, но, если относиться к ней, как к приключению, становится чуть легче, – Максим прикурил, щёлкнув зажигалкой, – правда, это не всегда и не у всех получается, да и помогает, как правило, лишь до первого убитого...

Кольченко перешёл к описанию афганских событий, тщательно подбирая слова, обходя засекреченные темы. Например, про службу в отряде спецназа говорить разрешалось, а про штурм Тадж-Бека – нет. Подписка о неразглашении – вещь серьёзная. Поэтому в его сумбурном рассказе многое выглядело каким-то необъяснимо бестолковым, не до конца понятным: отряд прилетел в Баграм, перебрался в Кабул и к десятому января практически в полном составе вернулся на свою базу в Союз. Если бы лейтенант мог рассказать об операции «Штурм», о погибших при выполнении задачи по осуществлению государственного переворота в чужой стране, то всё бы логично встало на свои места, но повествование Максима, сдобренное колоритными афганскими подробностями, всё же как-то умудрилось проскочить через это уязвимое место без лишних вопросов. Скорее всего, его не глупые слушатели понимали секретность ГРУшной миссии в Кабуле и именно поэтому не лезли со своими уточнениями.

Хотя, если честно, рассказывать про штурм ему было бы неловко; ведь он в нём не участвовал, находился в резерве. А резерв так и не понадобился, как-то обошлись и без него. Трупы погибших улетели на родину первым рейсом «Чёрного тюльпана», а чуть позже во взъерошенный Кабул незаметно пришёл Новый год. Високосный. Олимпийский. Тысяча девятьсот восьмидесятый.

В одну из промозглых ночей огромный город засыпало снегом. Для столицы древнего Хорасана, находящейся на высоте двух километров, снег зимой – обычное дело. Той ночью Максиму показалось, что выпавший снег забинтовал обожжённый и израненный в ходе захвата Тадж-Бек, запеленал белой марлей юркие боевые машины десанта, грозные установки «Град» и свирепые танки, уставшие от нескончаемых перевалов и серпантинов. Он укутал пушистой ватой чёрную землю, развороченную стальными гусеницами. Мир ненадолго стал похож на странную новогоднюю сказку. Без Снегурочки, без Деда Мороза, с призрачной надеждой на хэппи-энд. Но вскоре южное солнце прогрело горный воздух, и сквозь белоснежные бинты, как кровь через повязку, просочились гарь и копоть недавнего боя. Карета снова стала тыквой. Снег, только что искрившийся под лучами утреннего солнца, превратился в мерзкую грязную жижу, чавкающую под сапогами.

«Мусульманский батальон» со дня на день ждал отправки в Союз на реформирование. Должностей для артиллеристов в его штатном расписании не предвиделось. Впереди маячила унылая перспектива возвращения в Кизыл-Арват, а Максим за последние полтора месяца как-то свыкся с мыслью, что ему удалось вырваться из цепких лап каракумского ада. От безысход-

ности его начала одолевать хандра, и тут судьба уготовила ему неожиданную встречу. После обеда, скользя по раскисшей глине, у одной из штабных палаток лейтенант нос к носу столкнулся с подполковником Ковалевским. Они были знакомы по Кизыл-Арвату. В довоенной жизни играли в одной команде на гарнизонном турнире по волейболу. Именно Ковалевский, будучи начальником отдела кадров дивизии, вручал Максиму предписание в мусбат. Офицеры разговорились, подполковник рассказал своему младшему товарищу, что 16-го декабря его самого срочно откомандировали в Ташкент и назначили начальником управления кадров 40-й армии. Пользуясь моментом, Кольченко задал мучавший его вопрос – неужели ему предстоит вернуться в выжженный белым солнцем пустыни гарнизон? Ковалевский пообещал разобратся и помочь.

Утром лейтенанта вызвали в управление кадров. Начальник управления сказал, что есть возможность прикомандировать его на время к штабу армии: командарм потребовал срочно скомплектовать группу из молодых офицеров для обучения наведению вертолётов на цели, чтобы как-то организовать взаимодействие с авиацией в возможных боестолкновениях. Кольченко согласился; ТуркВО в те времена был незаменимым округом, и маршрут выхода из ада Кизыл-Арвата пролегал через ад афганский.

Батальон улетел в солнечный Чирчик, а лейтенант остался в холодном и грязном Кабуле. К двадцатому января группа была укомплектована и приступила к занятиям. Ничего сверхсложного, просто надо было понять, что цели с высоты выглядят иначе, чем видятся с земли. Пришлось полетать, привыкая смотреть на поле боя глазами пилота. В том январе пришло письмо от Светланы, и Максим узнал, что в конце лета станет отцом.

Обучение завершилось двадцать второго февраля, и в тот же день вся команда перебралась с аэродрома под бочок штаба армии, в Дар уль-Уман. Тогда, в феврале, прошёл слух о выводе армии в СССР, ведь заходили-то войска в Афганистан, согласно приказу, на три месяца. Но к тому времени большинство провинций уже были охвачены мятежом. Афганская армия полками переходила на сторону мятежников. Без военной поддержки шурави новый режим не продержался бы и дня. А когда в конце февраля практически всё взрослое мужское население Кабула вышло на улицы, протестуя против властей и нашего присутствия, стало совершенно очевидно, что мы здесь задержимся надолго. Протест был подавлен при помощи оружия и боевой техники. Над афганской столицей на предельно низких высотах пролетали советские истребители и штурмовики. Когда они преодолевали звуковой барьер, город сотрясился от страшного грохота. Тогда пролилось много крови, а кровь на Востоке не прощают. С этого момента затяжная война стала неизбежной.

В костре потрескивали сухие ветки. Мерный шум водопада служил фоном бесчисленному хору цикад. Ночной ветерок нёс в долину прохладу гор. Все сидели молча, ожидая продолжения рассказа.

– Так это, и правда, самая настоящая война? – в голосе Златы тревога смешалась с недоумением.

– Война. Горная, партизанская... Не похожая на предыдущие, – лейтенант достал из пачки очередную сигарету, – первыми армейскими операциями руководил один генерал-полковник из Генерального штаба. Он топал ногами, делал страшные глаза и твердил, как заведённый – «я, если потребуется, вас всех положу, а приказ министра выполняю»! Ну, в общем-то, и клал...

В марте, на первой кунарской, мы потеряли шестьдесят человек. Трём батальонам было придано пятьдесят боевых вертолётов и столько же самолётов. Генерал, по всей видимости, искренне верил, что мужики в широких штанах – так он называл душманов – увидев такую мощь, в страхе разбегутся по горам, как тараканы по грязной кухне. Но на той, самой первой операции, всё пошло не по плану Генштаба, а согласно замыслу афганского полковника Рауфа,

выпускника нашей академии имени Фрунзе, руководившего силами мятежников в Кунаре. В Шигальском ущелье один из батальонов попал в засаду... Там была мясорубка, но приказ министра был выполнен. Генерал получил орден и, в нагрузку к нему сразу два прозвища: «Седая смерть» и «Гробовщик».

Максим щёлкнул зажигалкой, прикуривая потухшую сигарету, и затянувшись табачным дымом, продолжил рассказ.

– В паузах между боевыми выходами я пытался изучить эту страну, историю, географию, нравы и обычаи её народов. Многие в этом, по сути, феодальном государстве казалось мне необычным. По своему летосчислению афганцы только что вступили в пятнадцатый век. Они живут по законам шариата и в своём поведении руководствуются сложной для понятия атеиста системой запретов – харам, и разрешений – халяль. Харам включает в себя многобожие и употребление свинины, убийство и непочтительное отношение к родителям, алкоголь и прелюбодеяние... Убийство неверных, пришедших с оружием в руках, считается вполне халяльным, богоугодным занятием. Всё просто: ислам в чистом виде и никакой политики!

– И что? Получается, что ЦРУ здесь ни причём? Во всём виноват лишь ислам? —недоверчиво усмехнулся Язвицкий.

– Думаю, да. Афганцы, в массе своей, безграмотные религиозные фанатики, и стреляют в нас не потому, что они против новой власти, а потому, что мулла сказал, что шурави – шайтаны. Не хотят они из феодализма в наш социализм. Афганистан разделён нашим командованием на зоны. Я был закреплён за зоной «Восток». Это три соседних с Пакистаном провинции: Нангархар, Лагман и Кунар. На этой территории, некогда носившей название Ария, проживают племена пуштунов, считающие себя потомками воинов Александра Македонского, оставшихся здесь после завершения индийского похода.

– Так вот откуда пошли истинные арийцы... – хмыкнул прапорщик.

– Не знаю. Между прочим, согласно другой версии, пуштуны – одно из колен израильтян. А ещё тот район считается изначальной сердцевиной полумифического, полумагического Семиречья. Протекающую в тех краях реку Кабул со всеми своими притоками называют вратами в Шамбалу. Много тысяч лет назад в этих местах родился Заратустра. В разное время разгадку тайн мироздания здесь искали экспедиции Рериха и британская разведка. Гитлеровская «Аненербе» тут пыталась найти обоснование расового превосходства германской нации. Древние мудрецы утверждали, что поиск сферы знаний Шамбалы благотворно влияет на карму ищущего. Я, грешным делом, как-то подумал, может, неспроста наше престарелое руководство послало нас сюда?

Максим замолчал. Денис разлил водку по стаканам. Злата, нервно теребившая пальцами кулончик, болтавшийся у неё на груди, спрятала его от посторонних глаз под тельняшку и в очередной раз одёрнула подол.

– Нестандартный взгляд на решение о вводе ограниченного контингента советских войск в Афганистан... За очищение кармы! – Денис поднял стакан и все, чокнувшись, выпили. – С Шамбалой всё ясно, а вот как тебе удалось оттуда так быстро выбраться? Ковалевский помог?

– Ковалевский тут не причём, это случилось благодаря «Седой смерти». В мае, после дня Победы, началась вторая Кунарская операция, в 66-й бригаде её называли Нангаламской, по названию мятежного уезда. Батальон, которому я был придан, на рассвете 11-го мая десантировался в Печдаринское ущелье, с целью занять стратегически важные высоты и перекрыть пути отхода душманам, отступающим под натиском двух других батальонов, вышедших тем же утром из Асадабада. Эти подразделения, усиленные танками и артиллерией, согласно плану, загоняли «мужиков в широких штанах» на три наши роты, которые к тому времени должны были закрепиться в горных проходах. Замышлялось, что в ходе операции, духи будут зажаты в тиски и уничтожены. Стоит ли говорить, что всё сразу же пошло не так, как планировал Генштаб? – грустно улыбнулся лейтенант.

– Ранним утром первая волна вертушек зависла над лоскутным полем. Спрыгнув в зелёные побеги молодой кукурузы, мы сразу же угодили под пулемётный обстрел. Я полз на четвереньках к точке сбора. Рядом ползли какие-то азиаты, одетые в незнакомую мне чёрную форму без знаков отличия. Они, вполне по-дружески, улыбались нам. Тогда я думал, что это одно из подразделений афганской разведки. Позже выяснилось, что это, были представители какого-то элитного спецназа, зашедшие из расположенного рядом Пакистана. Забрав первых раненых, вертолётная армада взмыла вверх, и всей своей огневой мощью шарахнула по ближайшим отрогам гор, в сторону которых предстояло выдвигаться нашим подразделениям. Пехота быстро разобралась какой роте по какому хребту идти и тремя ручейками в колонну по одному покинула негостеприимную площадку десантирования.

Лейтенант сделал паузу, доставая сигарету. Отражение луны трепетало в волнах ласково журчащей Фирюзинки. Догорающий костёр постреливал начинающими остывать алыми угольками. Горная прохлада усиливала ощущение умиротворённости и покоя. Горький дымок сигареты вернул Максима в то раннее утро, на берег строптивой горянки Печдары.

– Мотострелки шли быстро, а я при десантировании умудрился подвернуть ногу, и теперь, проклиная не пожелавшего опуститься чуть ниже вертолётчика, ковылял в конце ротной колонны. Планшетка с картой и бинокль болтались на шее, выбившись из-под маскхалата. Подсумок с магазинами, фляга и радиостанция «Ромашка» для связи с вертолётами висели на ремне. В вещмешке лежали сигнальные дымы, патроны, гранаты и упаковка сухого пайка. На плече – автомат со сдвоенными пулемётными магазинами. В общем, шёл как турист, налегке, а путь наш лежал вверх по хребту. Высота точки выброса составляла две тысячи пятьсот метров, и кислорода в разреженном горном воздухе с каждым шагом становилось всё меньше. По нам не стреляли, а вот со стороны распадка, куда ушла одна из рот, доносились звуки перестрелки.

Война подлая и мерзкая штука, на ней трагическое переплетается с комическим и вполне себе как-то уживается... Потом выяснилось, что навстречу выдвигающейся по полусклону роте из кустов вышли три ободранных ишака, которые немедленно были взяты в «плен». Миномётчики перевесили на них стволы и плиты тяжёлых миномётов, которые до этого момента тащили на своём горбу. Поначалу животные отказывались идти в ротном строю, но, смирившись со своей участью, со страшным рёвом двинулись вперёд. Их хозяева, наблюдавшие эту картину с ближайших высоток сквозь прорези прицелов, в отместку за грубое обращение со скотиной, открыли по шурави огонь раньше назначенного срока.

Рота залегла, ошетичилась стволами и огрызнулась огнём. Духи в ответ жажнули из гранатомёта. Разрыв произошёл в непосредственной близости от ишаков, которые в силу каких-то причин не залегли вместе со всеми. Ошалев от обуявшего их страха, невзирая на тяжесть груза, животные помчались рысью в направлении своего, то есть духовского, кишлака. В горячке боя бойцы не сразу обратили внимание на убегающие к противнику миномёты. Заметив этот подлый манёвр, шурави обрушили на ишаков всю мощь своего огня. Выжить бедолагам было не суждено. Они полегли на разных ярусах, метрах в двухстах от залегшей роты. Перестрелка длилась минут десять и завершилась в нашу пользу. «Убежавшие» были миномёты вернулись к своим владельцам, попытка сделать их «самоходными» не увенчалась успехом. Как потом выяснилось, тот курьёзный случай спас третью роту от попадания в подготовленную для неё ловушку, а вот для нас основные события того кровавого дня были ещё впереди.

Максим замолк. Он только сейчас осознал, что в тот день шансов выжить у него практически не было. Там, сумрачном ущелье он впервые повстречался с кареглазой красавицей Смертью. В бою на берегу Печдары погибли все, кто был тогда рядом с ним, а он, наперекор судьбе, выжил. И сидит теперь в этом райском месте за дружеским столом рядом с прекрасной девушкой...

А может и не наперекор. Лейтенант не совершал в том бою подвигов, а просто дрался за свою жизнь. Он сражался до конца, и госпожа Удача подмигнула ему своим озорным гла-

зом... Порывы прохладного ветерка приятно охладили багровый рубец на его правом плече – автограф того рокового дня.

– Я плёлся в хвосте роты, боль в ноге постепенно стихала, и двигаться, несмотря на разреженный воздух, становилось легче. Казалось, что жизнь понемногу налаживается. Но я ошибался.

Мы шли по гребню. Ущелье в том месте поворачивало влево, скалы становились выше и отвеснее. Кто-то из идущих впереди офицеров принял странное решение – разделить ротную цепочку на две. Одна продолжила движение по полусклону хребта, а другая начала спуск к своенравной реке. Я шёл последним и имел достаточно времени, чтобы решить, к какой из колонн примкнуть. Как выяснилось впоследствии, по какой бы тропе я тогда не пошёл, финал был бы одинаков, но этого я знать не мог и малодушно свернул вниз, к манящей речной прохладе. Спускаясь, я видел, как шедшие первыми уже плескались в речном затоне и наполняли фляги ледяной водой.

В этот момент прозвучали первые, дальние выстрелы. Пули фонтанчиками вошли в воду, отгоняя солдат от реки. Рота ответила огнём. Ротный, что-то скомандовал, и бойцы продолжили движение вдоль жёлтого песчаного берега. Местность казалась мне до боли знакомой, но я никак не мог вспомнить, где же я видел всю эту красоту?

Лейтенант сделал паузу. Все слушали, затаив дыхание. Это было откровением, об этом не рассказывали по телевизору, об этом не писали в газетах. Максим впервые озвучивал эту историю во всех подробностях и заметно нервничал, мысленно переносясь в то самое утро, на берег бурлящей реки, на жёлтый песок...

Внезапно в сумеречное ущелье ворвались слепящие лучи восходящего солнца, и весь каньон до краёв наполнился ярким светом. Всё сразу же встало на свои места. Это было ущелье, когда-то приснившееся ему кошмарном сне! Всё до боли знакомо. Из подсознания айсбергом выплыл леденящий душу ужас. Только вот земля под его ногами на этот раз не дрогнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.